№ 90 2012 г.

ЛИПЕЦКАЯ и ЕЛЕЦКАЯ ЕПАРХИЯ

Задонский паломник

ОДОБРЕНО СИНОДАЛЬНЫМ ИНФОРМАЦИОННЫМ ОТДЕЛОМ СВИДЕТЕЛЬСТВО № 134 ОТ 4 СЕНТЯБРЯ 2011 ГОДА

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

СВ.НИК

Задонский паломник

№ 90, 6 декабря 2012

По благословению архиепископа Липецкого и Елецкого Никона

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

Оставь любопытствовать, что делается в том или другом месте; озаботься узнать, при помощи слова Божия, что делается в душе твоей, к какой ты идешь окончательной цели, к погибели или ко спасению, на каком пути ты находишься, на пути ли праведных или на пути нечестивых?

Святитель Тихон Задонский

Учредитель:
Православная религиозная организация Задонского Рождество-Богородицкого мужского Епархиального монастыря г. Задонска Липецкой области Липецкой и Елецкой епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)

Главный редактор:
Иеромонах Гавриил (Мельников Д.В.)

Адрес редакции, издателя:
399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. К. Маркса, 121.
Телефон: (47471) 2-49-55

Адрес типографии:
399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14.

Тираж: 5 000 экз.
Цена свободная.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство: ПИ №ФС77-21446 от 01 июля 2005 г.

При перепечатке ссылка на «Задонский паломник» обязательна.

Просьба не использовать издание в хозяйственных целях.

Содержание:

2 «ГДЕ СОКРОВИЩЕ ВАШЕ, ТАМ БУДЕТ И СЕРДЦЕ ВАШЕ...»
Проповедь архиепископа Липецкого и Елецкого Никона

8 НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО
Келейные письма.

9 ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ
«О многообразии гордости», ч.1
Из бесед с кавказским пустынником

14 ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ
Из писем схиархимандрита Виталия (Сидоренко)

17 «ЗАКРЫТИЕ НОВО-АФОНСКОГО СИМОНО-КАНАНИТСКОГО МОНАСТЫРЯ И ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА БРАТИИ»
Из воспоминаний монаха-пустынника

22 «БОЖЕ, БУДЬ СО МНОЮ!»
Из воспоминаний протоиерея Михаила Труханова, ч.6

27 «В ГРОЗУ 1812 ГОДА...»
Исторический очерк

29 ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

31 «СВЯТОЙ СОЮЗ»
Рассказ

Проповедь архиепископа Липецкого и Елецкого Никона

«ГДЕ СОКРОВИЩЕ ВАШЕ, ТАМ БУДЕТ И СЕРДЦЕ ВАШЕ...»

«Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную».
(Гал 6:7-8)

Уже более двадцати лет на Руси возрождается Православная вера. Пережив лихолетья советского богоборчества, под свой покров нас вновь призывает Церковь Христова. Благодатное время — мы абсолютно свободны в выборе жизненного пути! Но как мы распоряжаемся этой свободой? Распорядиться можно по-разному... Не только словом, но и делами своей жизни мы можем открыто исповедовать Христа и через исполнение заповедей Божиих стремиться к единению с Ним. А можем выбрать и другой путь — начнем "извиняться" подобно званым на пир из евангельской притчи: *"...я купил землю и мне нужно пойти посмотреть ее; прошу тебя, извини меня... я купил пять пар волов и иду испытать их; прошу тебя, извини меня... я женился и потому не могу придти"* (Лк 14:18-20).

Не происходит ли нечто подобное сегодня с большинством из нас? Что становится целью в жизни многих христиан? — Желание земного «рая», комфортной жизни, власти, денег, мирской славы, научных совершенствований и познаний... А к чему ведут нас такие жизненные ориентиры? Господь дал ответ на этот вопрос: *"...сказываю вам, что никто из тех званых не вкусит моего ужина, ибо много званых, но мало избранных"* (Лк 14:24).

Проживая свою жизнь в угоду плоти и забывая о евангельских заповедях, мы почему-то уверены, что все же любим Бога. Нам кажется, что уверовав, мы уже не можем потерять Его, ведь время нынче мирное и нет никакой опасности — никто не требует отрекаться от Христа — мы свободны... Так, пребывая в духовном расслаблении, мы самонадеянно тешим себя иллюзией, что если придет время вновь постоять за веру Христову — мы постоим... Но будем ли мы тогда на это способны? Мечтая о таком подвиге, давайте задумаемся, а сейчас готовы ли мы ради Христа хоть в малом поступиться своими приземленными желаниями? И действительно ли в безопасности сегодня наши души? Ведь еще святитель

Иоанн Златоуст говорил: «Безопасность есть величайшее из гонений на благочестие. Никто не понимает, не чувствует опасности, — безопасность рождает беспечность, расслабляет и усыпляет души, а диавол умерщвляет спящих...».

Да, дорогие, не обманывайтесь: восставший против Бога и человечества диавол не прекращал свою борьбу ни в какие времена. Жесточайшие массовые гонения на христиан открылись уже спустя тридцать лет после крестной смерти и Воскресения Господа нашего Иисуса Христа. Тогда Римской империей правил Нерон. Он был человеком самолюбивым, развращенным и злобным. Он услаждался зрелищами страданий и мучений людей, терпевших его надругательства, унижения и пытки. Нерон считал себя «божественным» и ждал от окружающих раболепия и пресмыкательства. В страхе за свое будущее перед императором трепетало всё римское языческое общество: богатые и бедные, свободные граждане и рабы.

Единственно, кто не боялся расправы, кто не потворствовал прихотям Нерона — были христиане. Они веровали во Христа и во всем старались следовать Ему одному. Не понимая благочестия и свободы христиан, языческое население Рима считало их ненормальными.

Однажды сумасбродство Нерона привело к тому, что за три дня в сильнейшем пожаре сгорел Рим. Это бедствие повергло в нищету большую часть населения города и его окрестностей. Бездомный, потерявший все имущество, народ в бешенстве осыпал императора бранью. Чтобы обезопасить себя Нерон свалил ответственность за гибель Рима на христиан. В город завезли хлеб для раздачи разгневанным горожанам и распустили слух, что поджигатели — христиане. Тогда языческая толпа стала кричать: «Христиан ко львам! Хлеба и зрелищ!»

С этого момента всякий верующий во Христа считался преступником и подвергался преследованию. Многие тысячи христиан были брошены в темницы и тюрьмы, подвергнуты пыткам и казням. Нерон торжествовал — ему представился удобный случай превратить людей в управляемую покорную толпу, потому что сердца людей были злы.

Обычно казнь происходила на арене цирка в присутствии императора, знати и всех тех, кто жаждал мести. Смертоубийства сопровождались выступлениями певцов и музыкантов, всем присутствующим раздавали еду. Христиан обшивали звериными шкурами и бросали на растерзание хищникам: волкам, леопардам, львам. Для возбуждения в зверях большей лютости, их не кормили двое суток, но раздразнивали окровавленными кусками мяса. А потому, попав на арену, голодные хищники с жадностью набрасывались на мучеников и моментально рвали их в куски — кровь лилась рекой. Народ же превращался в беснующуюся, ликующую, ненасытную толпу, они все более требовали: «Хлеба и зрелищ!»

Нерон изощрялся, изобретая все новые изуверства над христианами. Иногда арену цирка превращали в лес из крестов, на которых распинали обнаженных христиан. Но, самое лютое диавольское представление было разыграно в садах Нерона. По всем аллеям сада расставили пропитанные смолой деревянные столбы, к ним были пригвождены мученики за Христа. Вечером того дня все столбы подожгли — горящие заживо люди освещали аллеи сада... Но не менее страшно было то, что по аллеям, освещенным горящими телами людей, безучастно прогуливались, уже равнодушные к чужим мукам и страданиям, жители Рима — их совесть была словно сожжена и более не укоряла их за участие в этом торжестве безумия...

«Безопасность есть величайшее из гонений на благочестие. Никто не понимает, не чувствует опасности, – безопасность рождает беспечность, расслабляет и усыпляет души, а диавол умерщвляет спящих...»

Святитель Иоанн Златоуст

Но как же христиане? Обращаясь в то время к римлянам, апостол Павел говорил: «*...все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии. Потому что вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления... Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии. А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться. Ибо... нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас*» (Рим 8:14-18). А потому последователи Христа, не только мужчины, но и женщины, и дети принимали смерть

мужественно, до последнего момента молились и славили Господа. Наблюдая за ними, Нерон и его окружение недоумевали — кровавые зрелища не приносили им удовлетворения, потому что, спокойно глядя смерти в глаза, христиане умирали как победители.

Действительно, в ответ на любовь и верность Богу, благодать Святаго Духа освящает человека, помогая ему претерпеть все испытания земной жизни ради Христа и устремляя его сердце к единению с Богом в вечно-блаженной жизни.

Ведь из развращенного сердца яд проникает в помыслы, слова и дела человека. Помрачая разум, страсти повреждают и ослепляют душу. В таком греховном состоянии душа начинает воспринимать ложь как истину, порок же – как добродетель...

Нерон же своей грязной, порочной жизнью уподобился диаволу и увлек за собой всех тех, кто трепетал пред ним в страхе и раболепствовал его злым прихотям. Так и разошлись пути римлян: кто-то на погибель себе попал в рабство адской злобе, страстям, и диаволу; а кто-то, последовав в земной жизни за Христом, пополнил сонм святых угодников в вечности.

Расправа Нерона над христианами — события первых веков нашей эры и яркий пример проявления ненависти диавола ко Христу и Его последователям. Но из истории земного существования человечества мы видим, что диавольская идеология богоборчества находила своих последователей во все времена. И, если вернуться в XX век на территорию православной Руси — мы вспомним не менее кровавый антихристианский террор пришедшей к власти безбожной партии коммунистов.

Советская власть хотела установить в стране коммунизм — создать «рай» на земле человеческими усилиями, при этом поправ заповеди Христовы. Вдохновляемые диаволом, новые вожди направили политику государства на борьбу с Богом — истреблялось всё, что дышало Святым Духом и свидетельствовало о Славе Господа: монастыри, храмы, иконы... Запрещалось носить на груди крест, иметь святые образа́ в доме, проповедовать слово Божие; верующий народ и священнослужителей репрессировали или убивали без суда и следствия; храмы взрывали, а порой поджигали их вместе с прихожанами; монастыри закрывали как «очаги контрреволюционной пропаганды», монахов расстреливали, обвиняя их в антисоветской деятельности...

К примеру, когда в годы революции был закрыт Ново-Афонский монастырь, скрываясь от преследований, монахи ушли в горы и расселились в высокогорной труднодоступной долине Псху, чтобы продолжить в этом уединенном месте служение Богу. Но большевистская власть видела в монахах своих врагов и скромная праведная жизнь монашеской общины в высокогорье вызывала у них ярость и негодование. Добравшись до Псху (а это несколько дней пути), большевики арестовали всех монахов: некоторых расстреляли на месте, других группами отправили под конвоем через перевал в Сухум. Многие, особенно старенькие и немощные, были жестоко убиты по дороге. Более ста иноков бросили в тюрьму. Бо́льшую часть из них приговорили к расстрелу, некоторых — к заключению в лагеря. Один из братьев, оставшихся в живых, позже описал подробности кровавой расправы над монахами[1], единственной и истинной причиной казни которых стала их верность Богу. Монахи уходили на расстрел спокойно. Предвидя неминуемую расправу, они готовились к переходу в жизнь вечную — молились, каялись пред Господом и, по-христиански примиряясь, прощались друг с другом. В те дни тюремные казематы были залиты кровью иноков... Местные жители говорят, что тех, кого не расстреляли в тюрьме, погрузили на баржу, вывезли в море и потопили — кого живьем, кого с простреленной головой, кого с камнем на шее.

Так кому, скажи́те, мешали люди, которые ушли далеко от мира, чтобы молиться Богу и исповедовать Христа?! Они мешали диаволу. Потому что подвиг праведной жизни монахов, их молитва и любовь к Богу, — ослаблял власть диавола над тем миром, который мог бы стать для него легкой добычей.

И к чему же привела эта семидесятилетняя война с Богом? Смогла ли тьма поглотить Жизнь и Свет? Нет. Принявшие мучения за Имя Христово, вошли

[1] Об истории закрытия Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря и о судьбе братии этой святой обители читайте далее на страницах нашего альманаха (прим. ред.).

в Царствие Небесное. Пополнив сонмы святых мучеников, они предстоят пред Богом в Небесных обителях в молитве за Отечество. И посмотрите — не смотря ни на что, вера вновь возрождается! Человек снова свободен в своем выборе — ему дана возможность обрести веру, строить свою жизнь по Евангельским заповедям и тем самым исповедовать Бога.

Сегодня — XXI век... Христиан более не преследуют — их земная жизнь вне опасности. Что же изменилось? Неужели враг рода человеческого сложил свое оружие? Нет — движимый ненавистью к Богу и людям он будет воевать до конца. И, действительно, духовная борьба — всё коварнее. Когда христиан убивали физически — они умирали телесно, но их души воскресали для Царствия Небесного. Теперь враг всё более всевает в сердца многих христиан дух гордости, маловерия и вседозволенности, чтобы увлечь их за собой, чтобы увести от покаяния и исполнения заповедей Христовых. А выбор жизненного пути по-прежнему зависит только от нас.

Действительно, XXI век — век свободы выбора, демократической вседозволенности, провозглашения всевозможных прав, защиты интересов, свободы слова и вероисповедания... Мир предлагает нам "чудеса" технического прогресса, активно развиваются компьютерные, информационные, коммуникативные и другие технологии, расцвела и индустрия развлекательных шоу. Но ведь и Господь призывает нас к Себе: восстанавливаются храмы и монастыри, слово Божие проповедуется со всех амвонов, совершаются Богослужения и святые таинства, открыты воскресные школы, общедоступна святоотеческая литература...

питываемся болезненной чувственностью, страстностью, становимся зависимы от лжи, сплетен и грязных порочных сюжетов.

Мы полюбили эти зрелища, и, вероятно, будем негодовать, если кто-то попробует отнять у нас наше «сокровище». Но ведь Господь сказал: *«Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше»* (Мф 6:21), — и, действительно, мы сами не замечаем, как постепенно ожесточаются и развращаются наши сердца. В своей ненасытности грехом мы стали не только подобны тем римским гражданам, которые беззаботно прогуливались по пылающим садам Нерона, но уже и давно превзошли их... Ведь из развращенного сердца яд проникает в помыслы, слова и дела человека. Помрачая разум, страсти повреждают и ослепляют душу. В таком греховном состоянии душа начинает воспринимать ложь как истину, порок же — как добродетель... А в результате, попадая в рабство к страстям и порокам, мы перестаем стремиться ко Христу — мы не стремимся к любви, праведности и чистоте уже потому, что более не способны понять истинное значение этих слов. В нас затмевается образ Божий...

Да, дорогие, мы действительно не замечаем, как в результате такого беспечного существования в нашем сознании происходит подмена понятий «добра» и «зла», как низменными становятся наши устремления, меняются жизненные цели. Например, погружаясь в телевизионные развлечения: триллеры, боевики и телесериалы — мы становимся терпимыми к убийствам, подлости, разврату, предательству, мести, злобе. Мы начинаем симпатизировать и, сами того не замечая, порой подражать

Поэтому, если мы пали, согрешили, погрязли в страстях и пороках — то нужно с верой, смирением и покаянием звать на помощь Христа!

Так что сегодня выбирают люди? Они снова требуют «хлеба и зрелищ»... И если во времена Нерона «хлеба и зрелищ» требовали язычники, то сегодня их жаждем мы — те, кто именует себя христианами. И для этого уже не нужны арены цирков. Любые зрелища: отвратительные, пошлые, кровожадные, — доступны нам в собственном доме, который теперь невозможно представить полноценным без телевидения и интернета. Незаметно наша жизнь подчиняется и становится зависимой от телевидения. Оно становится нашим идолом — под звуки телевизоров мы просыпаемся, общаемся, принимаем пищу, воспитываем детей, отходим ко сну... Через средства массовой информации мы на-

злодеям, бандитам и негодяям. Героями наших детей запросто становятся блудницы и убийцы... Так, незаметно для себя, под влиянием накопленных образов и впечатлений, сотворенная, чтобы жить по-Божьи, человеческая душа начинает более тяготеть ко злу.

А нам все еще кажется, что нет ничего плохого в том, чтобы окунуться в то или иное душевредное зрелище: «Ну, что тут страшного? Я же никого не убиваю и не прелюбодействую. Я просто посмотрел и все...» А ведь последствия обязательно будут. Сам Господь говорил нам об этом: *«Светильник для тела есть око. Итак если око твое будет чисто, то все*

тело твое будет светло; если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно» (Мф 6:22-23).

Вероятно, многие замечали, какое облегчение испытывает душа после участия в Богослужении и святых таинствах, после соприкосновения со святыней... Почему? Потому что она напитывается и освящается благодатью Святаго Духа. И, напротив, невыносимо тяжело бывает, когда мы становимся пусть даже просто зрителями порочных шоу, зрелищ и других богопротивных мероприятий. Ведь тяготея к подобным представлениям, мы отдаем себя во власть духов злобы.

А потом мы удивляемся: «Почему сейчас все стали такими нервными, злыми и агрессивными?» Врачи констатируют «эпидемию» психических заболеваний. Распространенным явлением становятся звероподобные безумные люди, способные хладнокровно убивать даже родителей, стариков, детей... Сколько сейчас случаев, когда беснующаяся толпа ради забавы крушит всё на своем пути и убивает прохожих?! И мы продолжаем удивляться: «Откуда в человеке такая жестокость?» Ну, как откуда? От диавола! Потому что, если не обращая внимания на заповеди Божии, человек соглашается с диаволом, принимая от него те порочные «хлеб и зрелища» — он постепенно становится душевнобольным. Душой овладевают страсти, а это значит, что в человека входит демон, и начинает управлять его мыслями, чувствами и поступками. Порабощая себе разум и волю человека, нечистый дух начинает постоянно толкать его на поиск скверны и порока — потому что подпиткой для демона служит грех и негатив этого мира. А грех ненасытен!

Каждый день, каждый миг мы стоим перед выбором добра и зла – жизни и смерти. Каждую минуту мы участвуем в этой неизбежной извечной войне: или со Христом мы противостоим вселенскому злу, или же, преумножая силу этого зла, своими грехами вновь распинаем Господа...

И что мы видим? Мы видим людей, все устремления в жизни которых, начинают сводиться к удовлетворению страстей и похоти плоти. Так, человек, по сотворению, предназначенный быть духовно свободным, становится рабом «міра, плоти и диавола». Ну разве могут назвать себя свободными те, кто зависим от пьянства, блуда, наркомании, воровства, гордыни, денег, славы, власти и т.д.? Взять, к примеру, одержимого страстью пьянства человека — трезвея, он начинает тут же искать очередную возможность выпить, чтобы заглушить те душевные мучения, которые доставляет ему эта страсть. Он не может остановиться, потому что овладевший его душой бес постоянно требует подпитки, а «хлебом» для нечистого духа является грех. И, не взирая ни на что, человек пьет, хотя, знает, что алкоголь разрушает его организм, что разум помрачается все больше, что страдают родные и близкие, что раболепствуя перед страстью, он убивает себя, а грех ведет его душу в ад... Но остановиться не находит сил!

Иногда по гордости многие самонадеянно говорят: «Да я если захочу — я всё брошу!» Но так ли это просто? Апостол Павел говорил: *«Неужели вы не знаете, что, кому вы отдаете себя в рабы для послушания, того вы и рабы, кому повинуетесь, или рабы греха к смерти, или послушания [Богу] к праведности?»* (Рим 6:16). А потому попробуйте своими силами выйти из рабства диаволу — например, бросьте пить — не сможете!

Помню, когда мы были маленькими и учились по букварю, там были такие строки: «Мы — не рабы. Рабы — не мы». Учительница говорила: «Запомните, дети: мы — не рабы, мы — свободные!» Но оказывается, с духовной точки зрения, мы все — рабы. Мы рабы наших страстей. Мы бездумно отдаем нашу жизнь во власть порока — в зависимость от гордости, пьянства, наркомании, блуда, сребролюбия и т.д. И каким будет итог такого существования, если Писание говорит нам: *«Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют»* (1 Кор 6:9-10).

Поэтому, если мы пали, согрешили, погрязли в страстях и пороках — то нужно с верой, смирением и покаянием звать на помощь Христа! Ведь выход из рабства греху есть всегда — апостол Павел говорит: *«И такими были некоторые из вас; но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего»* (1 Кор 6: 11). Вспомните

слова Священного Писания: *«...если Сын освободит вас, то истинно свободны будете»* (Ин 8:36), *«...где Дух Господень, там свобода»* (2 Кор 3:17).

И, действительно, от власти диавола свободен только тот, кто, исполняя заповеди Христовы, во всем следует за Господом, познавая Истину Божию. Потому что только Бог, в ответ на нашу веру и покаяние, Своею благодатию очистит от греха, оправдает и освободит нас от порочной зависимости.

Земная жизнь – это экзамен на верность Богу, испытание свободной воли человека. А потому не нужно искать виноватых – есть только одна сила, которая имеет власть отлучить человека от Бога – его свободная воля, его свободный выбор...

Да, дорогие, пора нам одуматься, пора понять, что *«Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего...»* (Прем 2:23). Давайте вспомним, что подтолкнуло человека во власть греху, смерти и аду? Его свободная воля — неправильный выбор Адама и Евы, который отдалил человечество от Бога, и только тогда *«...завистью диавола вошла в мир смерть, и испытывают ее все, принадлежащие к уделу его»* (Прем 2:24).

Наши прародители совершив грех отошли от Божественной Истины. Они провели всю свою долгую жизнь в покаянных слезах о содеянном, были прощены, и вернулись в «Объятия Отча». А мы? Мы свободно и не задумываясь, согрешая и раболепствуя страстям, каждый день отворачиваемся от любви Божией. И нет в нас ни слез, ни страха Божия, ни истинного покаяния...

Ну что сказать? Каждый день, каждый миг мы стоим перед выбором добра и зла — жизни и смерти. Каждую минуту мы участвуем в этой неизбежной извечной войне: или со Христом мы противостоим вселенскому злу, или же, преумножая силу этого зла, своими грехами вновь распинаем Господа. И эта страшная борьба продолжается всю нашу земную жизнь — в ней крест каждого христианина.

Бог дал нам свободную волю — Он **не требует** от нас любви, но и **не заставляет** работать на диавола. Он видит наше малодушие, маловерие, наши сомнения и слабое произволение, но терпеливо стоит у двери каждого сердца и ждет, когда **мы сами захотим впустить Его и ответим взаимностью на Его любовь:** *«Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною»* (Откр 3:20). Господь верен человеку всегда и в ответ на покаяние Его Любовь вновь и вновь побеждает в нас зло.

Господь внимательно смотрит в сердце каждого человека. Ведь душа склоняется к тому, куда влечет ее сердце, а сердечное устремление определяет выбор свободной воли... Потому, каждому из нас необходимо прислушаться к своему внутреннему человеку: «Чего же он хочет?» Ведь что мы любим, к тому и стремимся, того и желаем, то и выбираем... А тем, кто последует за Ним, Господь скажет: *«Вы свет мира»* (Мф 5:14). Если мы начнем жить праведно, по-Божьи, искореняя в себе пороки и уподобляясь Христу, если окрепнет в нас облик Божий — тогда, действительно, в мире станет больше любви, больше света. Но как же нам возможно уподобиться Господу? — Через Евангелие — через исполнение заповедей Божиих.

Дорогие мои, земная жизнь — это экзамен на верность Богу, испытание свободной воли человека. А потому не нужно искать виноватых — есть только одна сила, которая имеет власть отлучить человека от Бога — его свободная воля, его свободный выбор. И ничто иное не может лишить нас любви Божией и жизни вечной. Не малодушничайте и не сомневайтесь: ***«Если Бог за нас, кто против нас?... Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? как написано: за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем»*** (Рим 8:31, 35-39).

Поэтому остерегайтесь духа "мира сего", храните истинные ценности и не допускайте их коварных подмен. Я призываю всех вас неуклонно встать на путь исполнения заповедей Христовых, под покров Господа-Вседержителя. Ему слава, честь и держава во веки веков! Аминь.

Святитель Тихон Задонский

Келейные письма

Как относиться к подаваемому богатству, чести и славе

Письмо двадцать седьмое:

Ты пишешь: «Что же мне делать, когда дается богатство, честь и слава?» Правильный твой запрос этот. Ибо многие ищут этих мирских сокровищ, но не обретают, а многие обретают, но во зло употребляют, и так не на пользу, но на вред свой ищут и обретают. А иные не ищут, но даются им. Им нужно узнать на примере, как их употреблять. Поэтому я вкратце отвечаю тебе. И, во-первых, отсылаю тебя к письмам, написанным тебе ранее: ты учись из них, каковы сокровища эти. Во-вторых, рассуждай о себе и познавай, что ты есть и каково твое достоинство. Пророк святой поет, или скорее плачет, о человеке: «*Человек, будучи в чести, не уразумел (сего), сравнялся с несмысленными скотами и уподобился им*» (Пс 48:13). Был в чести, почтен Богом человек, но не уразумел чести своей и потому уподобился «несмысленным скотам». Недоволен был тем, что образом Божиим почтен, но захотел Богом быть, чему быть было невозможно, поэтому и то потерял, что имел, и сыскал то, чего не хотел; потерял красоту образа Божия и сделался безобразным и несмысленным, как животное. Рассуждай об этом прилежно и тогда будешь правильно рассуждать о богатстве, чести и славе подаваемой. Чего достоин человек, если скоту уподобился, разве что того же, что и скот твой? Достоин ли богатства, чести и славы тот, который жить на земле и ломтя хлеба недостоин, как я тебе некогда писал... Что же сказать о таком, который, будучи Крещением омыт и освящен, опять испоганил себя и скотскими нравами осквернил? С таковым «*случается по верной пословице: пес возвращается на свою блевотину, и вымытая свинья идет валяться в грязи*» (2 Петр 2:22). Рассуждай об этом и о себе и тогда увидишь, что есть богатство, честь и слава для нас.

Спасайся.

Письмо двадцать восьмое:

Дивишься ты тому, что я тебе написал. Поверь, друг, что все это истинно: те, которые ныне недостоинства своего не познают и не признают, тогда его познают, когда вместо богатства, чести и славы временных, которых себя достойными быть вменяли, будут в вечной нищете, бесчестии и бесславии. Тогда познают, что как недостойны всего того были, так и недостойно искали. Совесть их покажет им, каково их достоинство. Тогда откроется им величество Божие, которое они прогневляли, и собственная их подлость и ничтожество, которого не хотели познавать и признавать. Увидят, как грех человека недостойным, подлым, бедным, окаянным и уничиженным делает. Ибо всякий грех величество Божие оскорбляет. А то, что Бог подает нам блага Свои, так это потому, что благ, подает по одной Своей благости и милости, даром и без всякой нашей заслуги. А наше достоинство не иного чего достойно, как временной и вечной казни. Возьми это в правильное и верное рассуждение, и тогда увидишь истину, и от сердца признаешь.

Спасайся.

ЧАСТЬ 1

О многообразии гордости

Вопрос: *Однажды один иеромонах в назидание рассказал мне случай из своей жизни: "В первые годы пребывания в обители, как и многим новоначальным инокам, мне была свойственна особая ревность подвизаться в молитвенном «подвиге». Как-то, в один из праздничных дней, после ранней Литургии мне пришел помысел остаться в храме и на позднее Богослужение, но меня благословили помочь братии на трапезной. Выполнять поставленную задачу я отправился спокойно, но все же почувствовал некое смущение и сожаление о том, что лишен возможности продолжить молитву в храме... Поразмыслив, я возблагодарил Бога за урок, потому что осознал душепагубную причину зародившегося во мне смущения — оно свидетельствовало о присутствии во мне гордости...» Такие выводы немало поразили меня — это был пример не только духовной бдительности, но и возможности распознавать в себе скрытые проявления страстей в ситуациях, казалось бы, абсолютно заурядных.*

С одной стороны, слова батюшки были для меня призывом к более внимательной духовной жизни, а с другой — мне до сих пор не вполне понятно: действительно ли так важно высматривать даже самые незначительные проявления той или иной страсти?

Ответ: Действительно, "усматривать", а не "высматривать" проявления своих страстей очень важно, даже необходимо. Святые отцы утверждают, что в духовной жизни мелочей нет. Тем более, что любое незначительное проявление страсти может оказаться лишь «верхушкой айсберга». «*Внемлите себе*» (Лк 17:3), — говорит нам Священное Писание, а значит, духовная бдительность — это одно из свойств правильного духовного устроения человека.

К тому же, памятуя о последствиях первородного греха, нам не следует забывать, что семена зла, семена всех страстей, а тем более гордыни, присутствуют в каждой душе. Поэтому, не имея страха Божия, бдительности и внимания к греховным движениям своего сердца, человек позволяет этим семенам легко прорастать, укореняться, постепенно поражать все человеческие качества, подчинять себе чувства и желания, помрачать разум, искажать и затмевать собой все добрые свойства человеческой души...

Вопрос: *Но ведь далеко не каждый способен изобличать в себе такие тайные «подводные течения», порой лишь косвенно подающие признаки своего присутствия. А тем более, когда речь идет о гордости, которая имеет свойство лукаво «перевоплощаться», скрываясь под маской иных душевных немощей или даже «добродетелей».*

Ответ: Ты ошибаешься, каждый человек способен наблюдать внутренние движения своей души. Каждому, кто внимательно относится к состоянию своей души и настроен на покаяние, Господь непременно подаст ту или иную возможность познавать свою греховность. А, если речь идет об изобличении гордости, то тем более ни к каким ее проявлениям нельзя относиться «спустя рукава» — ведь недаром святые отцы учат, что она является «началом и матерью всех зол». И совершенно неразумно обольщаться мыслью о том, что в ком-то из нас ее нет. Гордость можно искренне не видеть в себе, но такая «слепота» тоже имеет свои духовные причины.

Вопрос: *Кстати, в противовес первому примеру мне сейчас вспомнилась иная «картина», весьма распространенная в нынешней церковной жизни: когда, скажем, новоначальный послушник дерзает не только самоуверенно перечить духовнику, но и смело поучать его, указывая даже на «ошибки» в духовных наставлениях или применяемых к нему методах духовного*

воспитания. Причем, похоже, что послушник жаждет истинной духовной жизни, но проявлениях гордости в таком своем поведении даже и не догадывается...

Из святоотеческих поучений мы знаем, что борьба с гордостью — непременное условие в деле спасения души каждого человека. А приведенные мной примеры — это эпизоды духовной жизни людей разных, но избравших единый узкий путь спасения. И тем интересней вопрос: почему же в рассматриваемых случаях не только сами проявления одной и той же злейшей страсти, но и личное восприятие каждого из них к ее проявлениям настолько контрастны: ведь один из послушников уловил «шепот» гордости даже в тайных движениях сердца, а другой, как говорится, и «слона-то не заметил»?

Ответ: Такие, как ты говоришь, «эпизоды духовной жизни», помимо разного духовного устроения этих послушников, обнаруживают и разные степени усвоения ими гордости. Ведь у гордости не только много "лиц", но и возможны различные степени ее внешнего проявления — а зависят они от меры внутреннего увлечения или одержимости самой страстью. Поэтому степень поражения гордостью зависит от того, насколько она усвоилась человеку, насколько он сжился с нею и обратил в свою натуру.

Вопрос: *Тогда, если само увлечение гордостью — величина переменная, то, соответственно, и динамика «взаимоотношений» с ней должна от чего-то зависеть? Должны же быть среди внутренних свойств человека те, которые можно расценить, как наиболее важные и необходимые "инструменты" в борьбе с разрастанием гордыни и производных от нее страстей?*

Ответ: Если в человеке есть хотя бы начальная степень смирения, рассуждение, внимательность к духовной жизни, а паче всего стремление к исправлению и покаяние, то вряд ли он будет бездействовать и даст возможность гордыне успешно развиваться и укореняться в нем. Господь зовет ко спасению каждого человека, но, опять же, вступая на путь исправления, каждый из нас уже имеет определенную степень повреждения и увлечения страстями.

Вопрос: *А что может послужить "индикатором" той или иной степени гордости в человеке?*

Ответ: Весьма показательной может быть, например, его реакция на обличающее слово. От степени усвоения гордости зависит и степень восприятия слова со стороны. Вот скажи человеку, что он гордый и какие последуют реакции? Самые разные. Порой человеку достаточно намека: он поразмыслит и, действительно, покается. Потому что, хоть в нем гордыня и есть, но она еще не поразила все "жизненно важные центры" его сознания. Она проявляется, но не укоренилась так глубоко, чтобы помрачить и исказить в нем способность адекватного восприятия действительности.

Вопрос: *Это хорошо, если человек способен не только воспринимать подобные намеки, но еще и не отмести их сразу, а поразмыслить над ними и разглядеть в них возможную пользу для души... А как быть, если он уже в значительной мере отравлен этой страстью, но при этом, не признает себя гордым? Пусть даже он в чем-то и кается, но эту язву не видит в себе и всё!*

Ответ: Если человек не видит самой гордости, то ему следует обратить внимание на действие в себе других страстей, которые, как правило, служат верным признаком ее присутствия. Проявлений греховности, указывающих на гордость бывает великое множество, но есть страсти, в которых она обнаруживает себя наиболее явно.

Так, например, ее можно распознать в гневе, раздражительности или негодовании. Иоанн

Лествичник говорит, что раздражительность есть признак великого возношения [т.е. гордости]. Эти страсти имеют ярко-выраженное внешнее проявление, поэтому не обратить на них внимание довольно сложно.

Но есть признаки вовсе не заметные для внешнего взгляда, но довольно таки тягостные для души, например — хульные помыслы. Причем, гордость — не единственная, но самая распространенная причина хульных помыслов. Хульный дух мучает человека изнурительно, а причину такого попущения не всегда обнаруживают сразу. Чаще всего этому испытанию подвергаются люди, которые возомнили о себе, что уже чего-то достигли в духовной жизни. Поэтому, чтобы они осознали, каковы есть на самом деле, им попускается дух хулы, который может мучить очень долго, пока человек не смирится.

Или, например, если приложив кратковременное усердие в молитве, некто возомнил себя молитвенником — за такое проявление гордости ему попускается окаменнное нечувствие. И тогда его желание молиться вовсе пропадает. А если гордец все же и понуждает себя на молитву, он ощущает, что сердце его стало бесчувственным, как камень, а сама молитва — как «не живая»...

Ропот и обида также дают человеку сигнал о том, что он имеет скрытую гордость. Потому что смиренный человек не обижается — даже, если и погрустит немного, то это состояние быстро от него отходит. Но, когда к проявлениям страсти обидчивости присоединяется злопамятность, тогда человек начинает страдать довольно-таки серьезно. А корень таких страданий опять же в гордости.

Для предотвращения более серьезной духовной беды, гордецам попускаются и более тягостные испытания, такие, как пьянство и блудная страсть. Пьянство низводит человека до уровня скотов, что в немалой степени способствует не только внутреннему, но и внешнему посрамлению гордыни. Но, желающий избавиться от этого духовного недуга, смиряясь с осознанием своего непотребства, первым делом должен начать борьбу с гордостным надмением, самомнением, презрительным отношением к ближним и другим греховным свойствами сердца, корень которых — гордость.

Священное Писание говорит: «*Нечист пред Богом всяк высокосердый*» (Притч 16:5), — и если гордец не замечает духовную нечистоту в своем самодовольстве, тогда он увидит нечистоту в проявлениях своего тела. Для вразумления ему попускается блудная страсть — она начинает ему досаждать и мучить. Он может поститься, молиться, совершать бдения, но страсть неотступно будет изнурять его. Тогда-то человек просто вынужден искать причины такого попущения. В своем поиске, он может выявлять и устранять многие ошибки, пока не «докопается» до корня, осознав, что имеет в сердце самодовольство, превозношение, гордостное надмение...

Блудный бес посылается гордому, как «смиряющий бич», чтобы он в самом деле осознал себя нечистым пред Богом и душой, и телом. Только тогда он начинает смиряться, каяться, исправляться и доходит до борьбы за освобождение своей души от скверны и гордости. Ведь: «*Бог гордым противится, а смиренным дает благодать*» (Иак 4:6). Как сказал преподобный Иоанн Лествичник: "Где произошло падение, там прежде водворилась гордость".

Вопрос: ***Но каким может быть наиболее суровое попущение из-за гордости?***

Ответ: В запущенных случаях, когда человек слишком долго пребывает в сильном помрачении гордостью — он начинает повреждаться в уме — как говорит Паисий Святогорец: «...лучше бы ему было и вовсе лишиться рассудка, чтобы в День Судный иметь смягчающие вину обстоятельства»[1]. Так что исступление ума — это наказание гордых. Или же человеку попускается бес и он становится одержимым, а потому в своих поступках начинает и вовсе терять человеческий облик. Но это, как говорится, крайность...

Признаков гордости можно перечислить много. А главное в том, что если человек действительно хочет избавиться от этой страсти и стремится воспринять правильный образ христианской жизни, то должен неотступно молиться об этом и Господь непременно поможет бороться и познавать себя, посылая вразумления и через слова Священного Писания, и через поучения святых отцов, и через советы ближних. Поэтому, чтобы пребывая в духовной беспечности не дождаться более тягостных, но вразумляющих обстоятельств, лучше не терять элементарную бдительность и быть открытым для восприятия намеков совести и слова со стороны. Кто-то из преподобных Оптинских старцев предлагал такую молитву: "Господи, пуст есть от всякого блага, исполнен есмь всякого зла. Спаси мя единым милосердием Твоим".

[1] Старец Паисий Святогорец, т.1 «С болью и любовью о современном человеке», ч. 3, гл. 1.

Вопрос: *Да уж, хорошо бы в таких «намеках» научиться распознавать руку помощи Божией и задумываться сразу — на первых этапах... И, вообще, научиться бы «зреть в корень».*

Ответ: Хорошо бы. Поэтому нужно начинать молиться и серьезно каяться в явных вопиющих грехах, а Господь постепенно будет указывать на гордость, и в первую очередь, такое указание может прийти через слово со стороны, например — через слово духовника.

Допустим, человек не замечает в себе действия гордости, но по слову духовного отца принимает на веру факт о присутствии в нем этой страсти и начинает в ней каяться — тогда за то, что он пошел путем смирения, Господь вскоре подаст ему и само осознание разнообразных проявлений в нем гордыни, и поможет освобождаться от нее. Поэтому, если человек еще способен довериться чьему-то мнению о нем, то такое положение вещей вовсе не безнадежно.

Вопрос: *Значит ли это, что если гордый человек способен доверять слову со стороны, то это свидетельствует о том, что в нем все же есть зачатки смирения?*

Ответ: Это говорит о том, что гордость еще не возобладала им в полной мере. Ведь, как правило, доверие советам ближних вытесняется такими страстями, как самомнение, высокоумие, самоуверенность, самодовольство, подозрительность, — основанных на доверии лишь самому себе... Поэтому на первых этапах борьбы с гордостью, важнейшую роль играет именно доверие слову со стороны, опираясь на которое, человек готов переломить себя и принять мысль, что его духовная самооценка не верна. Причем, благотворное воздействие здесь может возыметь слово не только духовно-опытного лица, но и любого способного к рассуждению человека, чье мнение авторитетно в глазах вопрошающего. Авва Дорофей говорит: "Кто отвергся справедливого или не справедливого обличения, тот отвергся своего спасения". Потому, покаяние в тех грехах, которые даже недостаточно осознаются нами приносит нам немалые духовные плоды.

Вопрос: *Но обязательна ли в таких случаях авторитетность мнения?*

Ответ: Если человек поражен гордостью, то обязательна. В таких случаях доверие «хватается» именно за авторитет. А если нет доверия говорящему, то под давлением гордости даже самые добрые и правильные слова его вряд ли будут восприняты.

Вопрос: *Мне казалось, что поиск и усвоение лишь авторитетного мнения — это специфика сознания людей юных по возрасту или же новоначальных в церковной жизни. Ведь по мере взросления становится ясно, что если действительно молишься и ждешь вразумления в тех или иных обстоятельствах жизни, Господь может послать ответ через любого, даже случайного для тебя, человека.*

Ответ: В греческом Отечнике есть такие слова: "если кто внимает себе и промыслу Божию, того благодать часто учит всему, что нужно, — даже через людей простых и безвестных; а кто смиренномудр, тот готов учиться даже у первого встречного"[2].

Чтобы легче было понять, о чем идет речь, приведу пример из святоотеческого наследия: «Великий Арсений, был велик своими знаниями — и в светском, и в духовном. Он, скажем прямо, всех людей того времени превосходил ученостью и добродетелью — потому-то его и выбрали изо всех остальных воспитателем Гонория и Аркадия, детей царя Феодосия. После он долгое время провел в подвигах в Скиту и обрел более глубокое ведение божественного. Но при всем при этом он, по избытку смирения, не стыдился спрашивать у самых простецов и по возможности искать у них назидания.

Однажды кто-то увидел, как Арсений спрашивает о помыслах одного египетского монаха и советуется с ним. Человеку это показалось странным, и он спросил у святого объяснений.

— Не спорю, — ответил тот, — что я в какой-то мере не чужд образования. Но, признаюсь, мне не известна даже азбука этого простеца.

Так он намекнул на божественное делание и ведение»[3].

Поэтому, если мы почитаем и признаем лишь авторитетное мнение, при этом пренебрегая возможностью почерпнуть пользу из источников «простых и безвестных» — это тоже один из признаков, по которому могут распознать в себе гордость не только новоначальные, но зачастую и те, кто имеет многолетний опыт церковной жизни.

Очень наглядный пример в подтверждение этому мы встречаем в житии Пахомия Великого. У него

[2] «Евергетин», т.1., гл. 38 (прим. ред.).
[3] Там же (прим. ред.).

был юный ученик, Феодор. Господь дал этому юноше разум и рассудительность не по возрасту. «Каждый вечер было принято, чтобы все сходились вместе слушать наставление великого старца. И вот однажды, когда все для этого собрались, он повелевает Феодору — а тот, как сказано, был еще молод, и ему едва исполнилось двадцать лет, — сказать братьям слово Божие. Тот послушно, без всякого прекословия отверз уста и начал им говорить все, что было нужно для душевной пользы.

Увидев такое, кое-кто из более заслуженных старцев решил его не слушать:

— Уже и новоначальные стали нас учить! Не будем его слушать!

Так они сказали друг другу, оставили собрание и разошлись по своим кельям. Когда же наставление закончилось, Пахомий Великий послал за ними и пригласил к себе. Когда они пришли к нему, он стал их спрашивать:

— Чего ради вы оставили собрание и ушли в свои келии?

— Здесь так много старцев и преуспевших монахов, — ответили те, — а ты поставил мальчишку учить нас.

Когда Пахомий услышал это, он тяжело вздохнул и, погрустнев, спросил их:

— Знаете, откуда в мире берет начало всякое зло?

— Откуда? — спросили те.

— От гордости, — ответил он им. — Из-за нее упал с неба денница, сын зари, и разбился о землю (Ис 14:12). Из-за нее и Навуходоносор, царь Вавилона, жил вместе со зверями (Дан 4). Разве не слышали вы написанное: *Мерзость пред Господом всякий надменный сердцем* (Притч 16:5)? Разве не слышали, что *кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится* (Мф 23:12)? Неужели вы не знали этого и над вами так насмеялся диавол, что вы потеряли всю вашу добродетель? Ибо гордость есть начало и мать всех зол. Не Феодора вы отвергли, когда ушли, а отказались от слова Божия и лишились Святого Духа. Поистине, вы достойны всякого сожаления! Неужели от вас укрылось, что это сатана толкнул вас на это?

...Разве не видели вы, как внимательно слушал его я сам? И говорю вам, что мне от этого была большая польза. Я разрешил ему говорить не для того, чтобы вас испытать, а в надежде и сам получить пользу. А вам, так тем более следовало его послушать, и безо всякой гордости. Говорю вам правду: я, тот, кто от Бога поставлен над вами, чтобы стать вашим отцом, слушал его так, словно до этого не мог отличить левой стороны от правой. И говорю вам, как пред Богом: если вы не явите покаяния еще большего, чем ваш проступок, и вам не будет прощен этот грех — вы погибните. Потому как, если вы начали так скверно, то и далее не остановитесь, пока не достигните последнего осуждения.

Такими речами святой Пахомий прижег, как и следовало, язву гордости, а затем мягким увещанием исцелил их болезнь. Ибо, когда нужно, бывал он строг, а когда требовалось — смягчался, обличая и побуждая к благу тех, кто грешил»[5].

Эти примеры и подтверждают, что путь от доверия «лишь авторитету» к доверию «даже простым и безвестным» — это путь от гордости к смиренномудрию, важным условием («двигателем») которого является покаяние. Св. Марк Подвижник говорит: «Если будешь разуметь согласно Писанию, что *по всей земли судьбы Господни* (Пс 104:7), то всякий случай будет для тебя учителем богопознания»[6].

(Продолжение следует)

---

[4] Правитель Вавилона Навуходоносор был низвергнут за то, что посмел присвоить себе славу Божию: «...был с неба голос: «И отлучат тебя от людей, и будет обитание твое с полевыми зверями; травою будут кормить тебя, как вола, и семь времен пройдут над тобою, доколе познаешь, что Всевышний владычествует над царством человеческим и дает его, кому хочет!» Тотчас и исполнилось это слово над Навуходоносором, и отлучен он был от людей, ел траву, как вол, и орошалось тело его росою небесною, так что волосы у него выросли как у льва, и ногти у него – как у птицы» (Дан 4:29-30). Потребовались годы, чтобы он пришел в себя, образумился и воззвал к Живому Богу.
Лишь тогда прежнее человеческое достоинство и царская власть вернулись к нему (прим.ред).

[5] «Евергетин», т.1., гл. 38 (прим. ред.).

[6] Прп. Марк Подвижник «О тех, которые думают оправдаться делами», (п.66).

БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ СХИАРХИМАНДРИТА ВИТАЛИЯ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Духовное наследие

ИЗ ПИСЕМ СХИАРХИМАНДРИТА ВИТАЛИЯ (СИДОРЕНКО)[1]

Возлюблю, Тя, Господи, крепосте моя!

Мир Вам, благословение и спасение от Господа нашего Иисуса Христа да умножится!

Слава Богу Небесному за все милости Его, и помощь, и всю жизнь, за которую не можем отблагодарить Тебя, Боже! Ибо не постигает язык наш высказать хвалу, достойную величия Божия, а ум становится, ибо недоумеет всяк ум о Премудрости и величии Божии.

Что дано на долю нашу, то и посвятим Вседержителю. Это — усердие на всякое добро. [Так же и] на покаяние, ибо нарушили [мы] все наставления, заповеди, учения Бога-Слова. [Но будем помнить про блудного сына из евангельской притчи, который есть] и блаженный, и благословенный [потому] что хотя и повинен [был перед отцом], но вернулся в отчий дом [со] смирением, покаянием и любовию.

Возлюблю, Тя, Господи, крепосте моя! Господь утверждение и прибежище мое — Тому слава, хвала, пение, благодарение, честь и поклонение подобает со Отцем, и Сыном, и Животворящим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Не надобно слушать всех подряд...

Да благословит тя Господь Своею нетленною десницею, сестра М. с братиями и сродниками Вашими!

Сестра М.! Когда бывает скорбь или недоумение, то напиши сюда — адрес Вы знаете. Не надобно слушать всех подряд. Если бы некого [было] спросить, а то [ведь] есть...

Не унывай. Яко у Господа милость и многое у Него избавление и Той избавит тя от всех бед, скорбей, напастей, переживаний, недоумений. Дух Святый найдет на тя и Сила Всевышнего осенит тя, напитает милостями и щедротами от росы Небесныя во вся дни живота Вашего. Когда будет возможность, то и приезжай ко Святой Нине [Равноапостольной] и Матери Божией, где Ея жребий. А Иверия — Ея удел, и Она никого не отпускала скорбящего из Своего жребия.

Слава Богу, животворящему всякое Свое создание, Ему от нас убогих буди благодарение, поклонение во веки веков. Аминь. Прости, благослови, спасайся.

Когда тебе будет возможно, сразу приезжай прямо в Тбилиси. Царица Небесная порадует душу твою скорбящую.

[1] Назидания Старца приведены с соблюдением изначальной формы и стиля его писем к духовным чадам. (прим. ред.)

Боже, молитвами Святых отец наших, защити...

Слава Богу, что по милости Его движемся, есмы и толикие блага и утешения, недостойнии, получаем! Боже, молитвами Святых отец наших, защити, спаси, помилуй, сохрани и в Райские селения всели на веки!

Вы - дети Его...

Во Святом Евангелии Иисус Христос рече: будите, яко дети. А им, детям, нечего заботиться, потому что все заботы лежат на родителях. А верующей душе рече Господь: возверзи на Господа печаль твою и Той тя препитает. Ибо без воли Его и волос с головы не падет. Как дивно и чудодейственно хранит Господь и печется о детях, а Вы — дети Его. Да благословит Вас Господь, Ему слава. Аминь.

Источник жизни и источник смерти

Возлюбленные радосте наши!

Писано есть: даяй пищу всякой плоти. Это говорится [по отношению] ко Господу, Который всё сотворил, накормил, сохранил и оживотворил. Господь рек: воззрите на птицы Небесныя, которые ни сеют, ни жнут, ни в житницы не собирают, и Господь питает их — кольми паче Вас, маловери! По той причине Господь назвал нас маловерами, что мы ропщем, обижаемся, двоедушничаем, унываем, хвастаемся, на себя надеемся, гордимся. Вот источник, из которого течет смерть. Кто из него пьет, тот заболевает и умирает. А чтобы всегда жить, надо такую живую воду пить: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных! Аминь.

Почему на земле тяжело жить...

Чудное дело: дал Творец человеку за земное — Небесное, за временное — вечное, за тленное — нетленное. А мы [только] любим земное, небесное забываем, в скорбях ропщем, ни за что не благодарим — и получается, что на земле тяжело жить. Премудро ведет Господь и глаголет: «Научитеся от Мене, яко кроток и смирен есмь сердцем — и обрящете покой душам вашим, иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть».

Вы всегда не тесно вмещаетесь в сердце моем...

N.! Передай письмо Н. и скажи ей: мы не чужие, а родные. И отец В. с семьей, и Вы всегда не тесно вмещаетесь в сердце моем. Также и О., Д., и Н., А., В. — все вкупе. Никогда никто не забыт.

Спаси Вас Господи во веки. Аминь.

Простите и не скорбите.

За всё благодарите Господеви...

За всё благодарите Господеви — и пошлет на всех Вас Дух Святый, оживляющий, украшающий добродетелями. Ему слава подобает со Отцем и Сыном. Аминь.

Мы должны за свои грехи терпеть...

Возлюбленная сестра З. и все о Господе присные!

Благословите поздравить Вас со Святой Страстной Седмицей, где воспоминаются и воспеваются страдания Христовы. Поминая [их], человек благодарит Бога и спасается.

Тако и ты, радость наша, не скорби, люби, терпи, предаваясь воле Божией. Скажешь, не соболезнуют тебе. А ты вспомни, что Спасителю никто не соболезновал, когда [Его] били, бичевали, плевали, хулили, пхали, ударяли бичами, запястьями, руками, хулили, завязывали глаза, ударяли и кланялись, смеялись, издевались, вымогали, чтобы сказал Господь слово нетерпения. Но Господь терпел, молчал, смиренно молился за обидчиков, а когда наступило [время] прибивать гвоздями, Сам пошел с радостию страдать за меня, тебя и весь мир.

А мы должны за свои грехи терпеть, помощь же Небесная придет от Господа, тебя укрепляющая. Ему слава. Аминь.

Если сестра не может смириться...

Мать Е.! Если Т. не может [Вам] поклониться, то Вы ей поклонитесь — и получите венец живота. Смиряйтесь, терпите и получите венец жизни вечной. Отца Серафима, Андроника, Зиновия гнали, они уходили и оставляли свое нажитое.

Да поможет Вам Господь. Ему слава.

Аминь.

Ежели вдовы две лепты принял Господь...

Возлюбленные радосте наши!

Спаси Вас, Господи, за великие заботы, хлопоты, милостыни. Да вознаградит Вас Господь сторицею и вечной жизнью.

Все, переданное Вами, получили в сохранности. Ежели вдовы две лепты принял Господь, и подаяние и награду уготовал в вечной жизни, то и каждому труждающемуся на пути жизни [сотворит также], ибо рекл есть: придите ко Мне вси труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы. Он зовет всех и спасает, Телом и Кровию Своею питает, воскрешает, прощает. Ему слава подобает во веки.

Аминь.

Молитва и Бога благодарит, и покаяние совершает...

Возлюбленная мать М.!

В молитве сказано: «Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию со всеми Святыми помянувше, сами себе и друг друга Христу Богу предадим». Что у человек невозможно, то у Бога вся возможна. Приносите Ему молитву Святаго Ефрема Сирина, где сказано: «...Господи, даждь ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего...». Молитва и Бога благодарит, и покаяние совершает, и светом светит, и благоухает. Помогающу Вам Господу, Ему слава. Аминь.

Благодарим. Ваше имя поминается у Святаго Престола Божия. Спасайтесь, простите.

Всякое благоприличие выражать умом, намерением и словом...

Возлюбленная сестра М. со всеми домашними и близкими!

Приучай себя так, чтобы не обиды, а благословения, благодарения и всякое благоприличие выражать — умом, намерением и словом, да славится Бог в Троице, Ему хвала. Аминь.

За одно прошение Ангел Божий спас от смерти...

Боже, помози Вам! Спаси Вас Господи во веки.

Один монах шел на базар, вспомнил о четках, достал из кармана и одну Иисусову молитву сказал, проходя мимо повозок. Одна лошадь испугалась и круто повернула воз, побежала, задела монаха, он упал, ушибся, но жив [остался], а воз опрокинулся возле него. [Потом] во сне было тому монаху сказано, что за одно прошение молитвы Иисусовой Ангел Божий спас его от смерти — воза, который должен [был] на него опрокинуться. Но Божий Ангел предохранил.

Вот и читай сию молитву — и себе, и всем поможешь. А что говоришь: «Бог не слышит», — диавол сие говорит, ты его не слушай, а совершай молитву — и получиши и зде, и тамо помощи и милости Божии во всех недоумениях.

Отец Виталий – о силе исповедания сердечного...

Сестра М.! Сестре С. передай: то [ей] — искушение, что [она] хочет мяса, да еще в пятницу и среду. Она должна бороться, исповедывать на исповеди батюшке, и [также] пред иконами, когда во храме, особенно Казанской Божией Матери чудотворной. И каждому надо это делать всегда. Бог простит, помоги Господи, со временем пройдет.

Будем по-детски открывать свои помыслы – и обрящем спасение...

Благослови Вас, наши радости, Господь Своею Благодатию во веки и Его Пречистая Матерь, утешая, милуя, питая, путеводя, спасая.

Никогда не надо стыдиться говорить грехи. Сам Господь повелевает через пророка: «Глаголи беззакония твоя — и вся грехи твоя очищу». Если неудобно [нам кажется открывать свои грехи], то [надо знать, что это] делает [навевает] тот, кто противится Богу, Создателю нашему, и ищет наших душ [т.е. диавол]. Будем по-детски открывать свои помыслы, намерения, дела, планы и желания — и обрящем спасение о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому поклонение подобает во веки. Аминь.

Бог нарочно посылает огорчения, чтобы довести нас до совершенного незлобия...

Пока мы [пребудем] все в смущении, в огорчении и слов досадных переносить не будем, до тех пор благодать Божия не вселится в сердца наша. Бог нарочно посылает огорчения, чтобы довести нас до совершенного незлобия.

Были люди, которые просили Бога: «Господи, посли мне оскорбление», — а когда найдет, они не снесут. После плачут, раскаиваются и опять просят — и когда снова найдет, опять не снесут. И снова готовятся переносить. И так посылается им до того, пока они достигнут до младенческого смирения.

А если не будем сносить обидных слов, то это не полезно для душ наших. «Смирихся, и спасе мя [Господь]». Если [все-таки] смутишься сердцем, то [хотя бы] удержись от [гневных] слов и смолчи [по слову Писания]: «Смятохся и не глаголах».

В христианской жизни тоже есть азбука...

Сестра М. и все родные! Мир Господень да почиет на всех Вас!

Ты была в школе: и вот дети начинают заучивать азбуку, которую складывают да учатся читать, то есть делаются грамотными. В христианской жизни есть то же самое — азбука: «простите», «благословите», «помолитесь». Эта троичность и научает, как читать Премудрости Божии. А чтение: терпение, молитва, крестное знамение, труд, которые все скорби, недоумения, горечи испытания перетрут, сделают пути гладкими и прямо до Бога приведут.

В 1917 году началось разорение Ново-Афонской обители. В течение нескольких лет новоафонские иноки пытались сохранить святую обитель от окончательного разорения. В 1924 году Ново-Афонский монастырь разделил трагическую судьбу множества православных обителей: он был окончательно закрыт "как очаг контрреволюционной пропаганды", все его земли были переданы совхозу, многочисленные храмы подверглись разорению и поруганию. Скрываясь от преследований и репрессий, ново-афонские монахи ушли в горы и расселились в основном в труднодоступной высокогорной долине Псху. Но праведная и скромная жизнь монахов и в удаленной от людей долине вызывала беспокойство большевистской власти, видевшей в них своих главных врагов. В апреле 1930 года всех монахов, подвизавшихся в селе Псху и его окрестностях, большевики арестовали и отправили под конвоем через перевал в Сухум. Одну группу монахов — около 150 человек, — которую взяли будто бы вести в Сухум, расстреляли по дороге. Убивали также старых и немощных иноков...
Из числа братии, приговоренной к смертной казни в живых осталось лишь двое, один из которых позже и описал эти события...

часть 1

Закрытие Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря и дальнейшая судьба монахов

записано монахом-пустынником отцом Меркурием (Поповым)

В 1924 году в трапезную Ново-Афонского монастыря, где была в сборе вся монастырская братия, вошел председатель совета народных комиссаров Абхазии Нестор Лакоба и при наступившем всеобщем молчании, обратившись ко всему коллективу насельников, стал говорить: "Дорогие отцы, мне категорически предложили в Москве закрыть ваш монастырь. Я долго протестовал, отстаивая его. Вы знаете, что он дорог мне так же, как и вам, потому что я воспитанник монастырской школы, учрежденной когда-то в былые годы дорогим покойным отцом настоятелем Иероном для абхазских мальчиков, где когда-то воспитывался и я на всем полном монастырском содержании. Абхазы с благоговением вспоминают о вашей миссионерской деятельности среди нашего народа, что некоторые из ваших ученых монахов, в совершенстве изучив наш язык, изобрели нам абхазскую письменность, благодаря которой проглянул луч просвещения в среду наших людей. Но простите меня, отцы, потому что я не властен отменить или хотя бы даже отсрочить на некоторое время это решение, ибо этот решение самого Сталина..."

Постоявши еще несколько секунд, он, повернувшись, вышел из трапезной. После его ухода воцарилось гробовое молчание при наступившей печали, сдавившей сердце каждого насельника, прожившего долгие годы в этой обители. Всех объяла растерянность, выразившаяся на лицах всего братства. Как быть? Что предпри-

нять? Выход был единственный — уходить подобру-поздорову, не дожидаясь насильственного изгнания, но не решались пока еще уходить самовольно за стены монастыря, без благословения отца настоятеля.

На другой день из Сухума приехал целый отряд милиции. Всему молящемуся народу было известно, что с вечера в соборе начнется последняя служба — прощальное всенощное бдение.

В десять часов вечера с колокольни раздался звон набатного колокола, тяжелый язык которого раскачивали два монаха. Мерные могучие звуки призывно понеслись в даль гор, наполняя тревогой людские сердца. Народ Афона и ближних к нему селений — Анухвы абхазской и Анухвы армянской — толпами с поспешностью устремился к монастырю.

Ворота во внутренний двор, где находился собор, были заперты, и их охраняла милиция. В ответ на просьбу открыть ворота и пропустить всех в собор на прощальную службу собравшиеся прихожане услышали от милиции издевательства и насмешки. В толпе послышались плачущие женские голоса. Вдруг какая-то молодая девушка-абхазка громко крикнула на русском языке: "Абхазы, на вас надеть надо юбки!". После этого выкрика на короткое мгновение наступило общее затишье, затем раздался призывный клич какого-то абхаза "ахахайт", то есть бросайся в атаку. После этой команды, бывшие в толпе народа мужчины-абхазы, расшвыряв по сторонам милицию, сообща навалились на ворота, задвижка внутри сломилась, ворота распахнулись, и людская волна хлынула в монастырский двор.

Около входа в собор стояли иеромонахи и раздавали всем свечи из стоявших возле них ящиков. Один из иеромонахов, обратившись к толпе, сказал: "Братья и сестры, вы сейчас будете присутствовать на службе, которая совершается на утопающем военном корабле, там она длится не более двадцати минут, и которую, прослушавши, редко кто из обыкновенных смертных остается в живых. Но у нас эта служба сейчас будет длиться до утра".

Все зашли в собор, и он до предела заполнился молящимися. На хорах стояли певчие монахи, держа в руках зажженные свечи. Службу начал настоятель монастыря архимандрит Иларион в сослужении иеромонахов. Весь народ, находившийся в храме, опустился на колени, хор численностью в тридцать голосов, в состав которого входили мальчики из абхазской школы, запел вступительное песнопение: «Благослови, душе моя, Господа...». Стройная мелодия в спокойном темпе, первоначально тихо, но потом, постепенно усиливаясь, плавно понеслась к подкупольным высотам храма. С начала последующего стиха: «Господи Боже мой, возвеличился еси зело...» — хор с воодушевлением запел широкой гармонией. Изумительно нежное звучание детских

голосков в верхнем регистре наполнило до предела чувством невыразимого умиления сердца всех молящихся людей, кто только присутствовал на этом прощальном монастырском богослужении.

Все бывшие в храме по своему чувству внутреннего душевного состояния догадывались о том, что это действительно была последняя, заключительная служба. Мальчики-певчие, исполнявшие партитуру альтов и дискантов, никогда прежде так не пели — без единой ошибочки, как в ту последнюю ночь. С течением продолжающейся службы на середину храма вышел архидиакон Питирим и своим дивным басом запел: «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром». Хор многозвучными тихими аккордами стал сопровождать его сольное пение, придавая ему своими мелодическими дополнениями духовную музыкальную выразительность.

После первого стиха отец Питирим сделал незначительную паузу. Хор, как бы доканчивая его гармоническую фразу, пропел с постепенным замиранием, предоставляя ему возможность неспешно сделать очередное вступление. Он продолжил: «Яко видеста очи мои спасение Твое, еже еси уготовал пред лицем всех людей». И снова чуть приостановился, делая паузу. Хор в несколько иной вариации, но все так же тихо, со сдержанностью, в мягкой гармоничности, несколько сливающимися друг с другом мелодическими аккордами, то, как будто бы удаляясь, а то с новым возрастанием в темпе, продолжал свой аккомпанемент. Выждав в соответствии с тактом должное умолкание хора, отец Питирим пропел заключительный стих: «Свет во откровение языков и славу людей Твоих Израиля» — и умолк. Хор в течение длительного времени продолжал свое музыкальное завершение по дополнительной нотной приписке, повторяя часть стиха: «Славу людей Твоих Израиля, славу людей Твоих Израиля...»

Во время богослужения, которое длилось до пяти часов утра, находившиеся в храме монахи-насельники, были угнетены единым чувством растерянности, неожиданная печаль тяжелым камнем навалилась на сердце каждого из них. Они осознавали, что потеряли обитель, это самое дорогое, самое милое для каждого из них. Уход из обители — это была ничем невосполнимая утрата, как покидание любимой родины. В ней они провели многие годы. Находясь в этой большой семье, где постепенно сроднились друг с другом, они жили вместе, благодаря чему в их сердцах теплился огонек ревности к богоугодной жизни, при стремлении каждого ко спасению души. [...] Но вот сейчас, вышедши за ворота монастыря, вечером уже негде будет устроиться на ночлег, каждому в отдельности нужно искать жизненное пристанище с трудоустройством... Но где? В какой стороне? В каком краю?

После окончания службы настоятель отец Иларион обратился с амвона к братству с напутственными прощальными словами. Послушникам, не принявшим еще пострига, он благословил устраивать свою жизнь среди мира, как найдут нужным, по своему усмотрению, но только с обязательным исполнением своего коротенького молитвенного правила, которое будет напоминать им о цели, ради которой они когда-то пришли в монастырь и доброхотно трудились в нем. Монахов же призвал свято хранить свой ангельский чин при всех жизненных испытаниях и невзгодах до самой смерти, после чего он коленопреклоненно просил прощения у всех присутствовавших в храме монахов и мирян, а также и они взаимно просили прощения у него. После этого отец Илларион удалился в алтарь и царские врата затворились. Через некоторое время из боковой двери алтаря иеромонахи стали выносить церковную утварь, а также иконы и книги и раздавали прихожанам, прося свято хранить их. Однако при выходе из собора милиционеры все это отняли у людей, силой вырывая из рук.

В тот же день архимандрит Иларион и архидиакон Питирим были арестованы и утром следующего дня в сопровождении конвоиров отправлены в Сухум. Отца Илариона скоро отпустили, и он поселился близ Сухума, в поселке на Маяке. Отца Питирима отправили в Москву, и он принял мученическую кончину.

[...] Все новоафонское братство устремилось в Сухум. Вечером, придя в кафедральный храм, они по окончании богослужения были разведены по всему городу сострадательными русскими прихожанами, по два — по три в их жилища, где и нашли себе временный приют. В одном из домов, куда пришли на ночлег двое из числа этих изгнанников, по случайности находился монах-пустынножитель, пришедший в город по своей житейской нужде и у благодетельного страннопримца нашедший для себя пристанище. За вечер эти монахи хорошо познакомились с пустынножителем, рассказали ему о закрытии монастыря и о своем бедственном положении. Пустынножитель, выслушав их, сказал: "Любезные отцы, моя пустынная келлия находится

недалеко от высокогорной дороги, которая идет в межгорную долину по названию Псху, сейчас там уже многие годы никто не живет — это безлюдное запустевшее место, почти никем незнаемо, вам можно было бы уйти туда всем вашим монастырским братством, поселиться в нем и основать свой скит". Обрадованные этой благой вестью собеседники стали задавать ему многочисленные вопросы. [...]

И так в скором времени, взвалив на плечи мешки с провиантом, поздним вечером они вышли из Сухума, чтобы не обращать на себя любопытного постороннего внимания ввиду того, что все были с бородами и в монашеском одеянии. [...]

За период осени на Псху завезено было не только продовольствие, но и строительный материал: стекло, гвозди, дополнительный плотницкий инструмент, железные печки с трубами, два котла, ведра, вся хозяйственная утварь и прочее.

За короткий промежуток времени братство сообща смогло построить несколько жилых помещений, в которых на первое время поместились все насельники. После этого приступили к строительству деревянной церкви в простейшей форме, — в виде большого молитвенного дома, попервоначалу небольшого размера, но впоследствии ее удлинили, привезли для нее колокол и завели распорядок дня в соответствии с правилом преподобного Пахомия Великого, которое сообщено было в далекой древности, явившимся к святому Пахомию ангелом Божиим.

Правило это заключало в себе известные всей Церкви молитвы, начиная с Трисвятого по Отче наш, затем двенадцать раз Господи помилуй, Слава и ныне, потом Приидите, поклонимся — трижды и 50-й псалом царя Давида: Помилуй мя Боже — весь, с начала до конца, за ним Символ веры, после него сто молитв Иисусовых и по окончании их Достойно есть. Порядок этого правила повелено было совершать всем монастырям, находящимся под префекцией святого Пахомия, по двенадцать раз в течение дня и по двенадцать раз в течение ночи. В начале каждого часа звонарь ударами колокола извещал о начале молитвословия, братство приостанавливало свою работу, и все те, кто находились вместе, сообща прочитывали упомянутые молитвы, а те, кто работали поодиночке, прочитывали их каждый сам для себя.

Ночами же в период крайне тяжелых работ, при которых все братство уставало до изнеможения, сообразуясь с возникшим обстоятельством, правило это читалось с некоторым замедлением во времени, но все равно без изменения и сокращения. А когда закончились спешные работы по строительству, то его стали совершать так, как оно было заповедано.

Немало хлопот доставило для монахов, исполнявших обязанность рассыльных, приобрести для братства зимнюю одежду и обувь. Все догадывались, что в тех местах должна быть суровая многоснежная зима, поскольку Псху находилось высоко по отношению к уровню моря. В декабре начался обильный снегопад, и долину завалило глубоким снегом, так что все жители оказались до весны плененными снежным заносом.

При наступлении весны у братства явились заботы по разработке целины для посадки картофеля, посева кукурузы, фасоли и прочих огородных культур. Живущие в Сухуме участливые братья и сестры во Христе, не считаясь с трудностями, приобрели для поселившихся в долине Псху монахов все необходимое, прежде всего семена для посадки на огороде, потом нужные материалы и прочий скарб, даже и саженцы фруктовых деревьев, и все это в ночное время увезено было по назначению. [...]

После Петрова дня братство стало вкушать ранние плоды своего урожая огурцов, помидоров, молодых клубней вырастающего картофеля, зеленых стручков фасоли и молодых початков кукурузы. Так что с этой поры не стало нужды уже в продовольственной помощи совне, кроме некоторых продуктов, как-то: соли, растительного масла, сахара и еще кое-чего по мелочи.

Осенью сняли обильный урожай капусты, засолили ее в объемистых кадках, изготовленных в период лета примитивным способом на деревянных обручах, засолили также огурцы и помидоры. Еще в середине лета молодые зеленые стручки фасоли, слегка отваривая, складывали также в кадки, приготовляя из них кавказскую туршу.

В конце осени прекратилась, наконец, в жизни братства эта непомерная спешка, издергавшая все нервы сообществу трудившихся насельников, и распорядок дня вошел в нормальную колею, все стали посвящать сэкономившиеся минуты времени делу богослужения; и так спокойно потекли день за днем, месяц за месяцем. [...] И так эта мирная жизнь монашеской общины без малейших преткновений продолжалась в течение нескольких лет.

В тридцатом году каким-то неведомым путем до Сталина дошла сокровенная весть относительно того, что в одном из междугорий, в плодородной долине Псху, довольно далеко от Сухума, укрылось новоафонское монастырское братство и продолжает вести свою монашескую деятельность, как и в былые годы.

В летнюю пору в середине дня вдруг нежданно-негаданно на Псху заявилась экспедиционная группа численностью одиннадцать человек, откомандированная народным комиссариатом внутренних дел. Все они были вооружены винтовками, ручными пулеметами и даже бомбометами, с ними были сыскная собака и три поводыря с навьюченными лошадьми. Оцепивши место жительства насельников, они собрали их в одно место и в тот же день этапом погнали в Сухум; остались не замеченными ими только лишь четыре человека, по счастливой случайности, находившиеся в то время в лесу на заготовлениях клепки для новых кадок. Озадаченные этой неожиданностью монахи в числе ста четырнадцати человек, взявши с собой продовольствие, какое только смогло найтись у них в ту пору дня, пошли, повинуясь требованиям конвоиров... Арестованное братство медленными шагами стало следовать по сплошным косогорам, то подымаясь на возвышенности, а то, спускаясь в долину, по которой протекала река Гумиста с ее притоками, и там они останавливались на отдых.

Престарелый схимонах отец Матфей, выбившись из сил, еле-еле тащился среди идущего братства. После каждого привала он обычно начинал идти впереди, но в течение часа его постепенно обгоняли один за другим все шедшие вместе с ним пешеходы, и, наконец, он оказывался в числе идущих самым последним, тогда по необходимости делали привал, и после кратковременного отдыха он начинал опять идти в числе первых, но через короткий промежуток времени снова оказывался позади всех, вследствие чего к концу дня из-за его медлительности было пройдено не более 15 километров пути. Найдя удобное низменное место, командир решил там остановиться на ночлег. Так же как и в минувшую ночь, разожгли костры и все, как нашли удобным, — кто сидя, а кто лежа, — разместились возле них и так провели ночь...

После ночного отдыха отец Матфей, сравнительно со вчерашним днем, шел вроде бы поперваначалу бодро, не отставая от других, но, как только взошло солнце и начало пригревать, он опять поплелся в хвосте с великим усилием, и, когда оказался самым последним, командир остановил идущих на отдых.

После привала командир, обратясь к отцу Матфею, сказал: "А ну, старик, шагай один вперед!" Тот, поднявшись, пошел по тропе медленным шагом, думая, по всей вероятности, что через некоторое время все идущие сзади догонят его. Чуть только он несколько отделился от сидевшего братства, командир, взяв винтовку, прицелился и выстрелил в него. Отец Матфей, споткнувшись, взмахнул руками и упал навзничь, затем повернулся лицом вверх. Разрывная пуля, угодив ему в затылок, при своем вылете размозжила всю голову; кровь хлынула на торную тропу, и через полминуты там образовалось ее целая лужа. Два конвоира, бывшие поблизости, поспешно подбежали к убитому отцу Матфею, схватили его за ноги, один за одну, второй за другую, и волоком потащили вниз по крутому склону горы.

От вытекающего из безжизненного тела потока крови обагрилась вся трава на косогоре, по которому они волочили его. На продолжительном расстоянии оказалась небольшая ложбинка, и с края ее был случайный навал камней разной величины. Конвоиры, затащив омертвевшее тело в это естественное углубление, забросали его камнями и через 15-20 минут, окончив дело погребения, возвратились на прежнее место и этап немедля двинулся в поход.

После этой изуверской расправы братству монахов стало понятным, для какой цели их ведут в город и что ожидает их в будущем...

(Продолжение следует)

«Боже, будь со мною!»

Протоиерей Михаил Труханов

Время гонений на Церковь в советский период сегодня принято сравнивать с раннехристианскими событиями церковной истории. Но масштабы богоборческого наступления на Христову веру при большевиках были иные, неизмеримо большие. Это был период жесточайших массовых репрессий – в обществе повсеместно гнездились страх и отчаяние...

Иначе ощущали себя только верные Христу. Страх Божий, трезвость [духовная бдительность] и сосредоточенность, молитва и упование на Бога ограждали православных от уныния, отчаяния и растерянности. Избранным Своим – сердцам искренним и мужественным, всецело доверяющим Господу, неотступно и безусловно верующим в Любовь и Промысел Его, был дарован путь исповедничества и мученичества за Христа – чтобы явилась на них Слава Божия в укрепление веры и проповедь Истины как их современникам, так и нам – их потомкам...

Протоиерей Михаил Труханов (1916 - 2006 гг.) один из тех, чей земной путь – живая проповедь: проповедь несокрушимой веры и преданности воле Божией, проповедь веры в Его всегдашнее милосердие. Батюшка вспоминал: «Когда не было опоры человеческой, когда никто, казалось, мне не поможет, я говорил в своем сердце: «Боже, будь со мною!» И Господь сейчас же откликался на мою молитвенную просьбу...»

...Всю свою жизнь отец Михаил нес глубоко в сердце такую любовь ко Творцу, которая может быть дарована только Самим Богом и дана избранным Его[1] за их решимость свято верить и жить по евангельскому Слову.

Глава 6[2]

«...как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества пред скотом...» (Екк 3:19)

И вот я в бригаде могильщиков. Нас двенадцать человек, тринадцатый — бригадир — блатняк с «детским» сроком в 3 года, из которых год он уже отбыл. Все мы — больные пеллагрой, отечные, истощенные... По состоянию здоровья лучше меня в бригаде только четверо: они-то нас и выручают на работе.

При выходе на работу мы получаем около зоны четыре кирки, четыре лома, четыре лопаты, два топора, две поперечные пилы. Двое конвойных нас сопровождают. Огибаем лагерь, проходим просекой метров 500, и перед нами поляна примерно полтора квадратных километра: тут кладбище, хотя никаких его внешних признаков — крестов, памятников, насыпей — не заметно. Все покрыто метровым слоем снега. Зима поначалу стояла морозная (до 48 градусов) и бесснежная, теперь же, со второй половины января, стала мягче: выпадают обильные снега и температура довольно устойчиво держится от 25 до 35 градусов мороза.

Раздается команда «Стой!» Останавливаемся. Один из конвойных проделывает на лыжах вокруг нас большой круг; затем нам объявляют по форме, что при выходе за пределы зоны, обозначенной

[1] Речь идет о тех, кто избирает верность Богу.

[2] Печатается на основе книги протоиерея Михаила (Труханова) «Воспоминания: первые сорок лет моей жизни» и отдельных воспоминаний келейницы старца В. А. Звонковой http:// www.omihail.ru.

лыжней, «конвой применяет оружие без предупреждения». К этому времени подошел на лыжах и «собачник» — конвойный с овчаркой.

Когда нас этапировали колонной, то обязательно по сторонам шли охранники с собаками. И если кто-то отстанет, замешкается, то охранник приспускает поводок и собака бросается на заключенного. И тогда человек бодрее начинает шагать. Штык и собачий лай бодрость нам придавали... А ведь по естеству собака не будет рвать человека. Весь ужас в том, что человек заставляет собаку действовать противоестественно. В условиях лагерных вся дрессировка собак заключалась в следующем: берется телогрейка заключенного и вот собаку тренируют, чтобы она, как только почувствует этот запах потной телогрейки, сразу бросалась и рвала...

Однажды у нас в лагере произошел жуткий случай. Дело было в Унжлаге, в 120 километрах от Горького. Туда в 1946 году с проверкой приехал майор госбезопасности. Приехал проверить местных собачников. Он был опытный собачник, знал все тонкости этого дела. Для него собрали всех собак, выставили их на привязи. Он сбросил с себя шинель, накинул зековскую телогрейку и решил проверить, насколько выдрессированы собаки. Собачники с волнением смотрели на него, ожидая взысканий. Вот он подходит к одной собаке, приказывает охраннику: «Отвяжите ее». Собаку отвязывают. Он подходит к ней. И тут собака резко бросается на него и в присутствии всех собачников перегрызает ему горло! Местные собачники ненавидели майора и потому не скрывали своего торжества.

И вот, наш бригадир сразу же намечает площадку, которую нужно очистить от снега. И когда в четыре лопаты здесь начинается перекидывание сыпучего снега, четверо других идут с двумя конвоирами в лес, чтобы обеспечить дрова для костра около конвоиров и костра для оттаивания мерзлого грунта там, где копают могилы. Собственно, могила роется одна и всего на глубину полметра — захоронение заключенных происходит ведь без гробов (и без белья), поэтому-то ни большой глубины, ни большого места не требуется.

Проходит часа два-три. Нас, к этому времени страшно уже иззябших (у конвойных наши разводят костер через 10-15 минут после установки зоны), ведут в лес, где заготовлены раскряженные кругляки соснового и елового сухостоя для костров.

Сегодня считается не холодно — 25 градусов, хотя это очень холодно для голодных заключенных, многие из которых уже отморозили щеки, носы, а некоторые — руки и ноги... Одеты мы по форме»: стеганые телогрейки, бушлаты, шапки-ушанки, штаны, стеганые чулки (бахилы), обуты в лапти — все это с прожженными дырами, с торчащей там и сям ватой. Главная беда — руки мерзнут. Грубые брезентовые рукавицы, даже из двойного слоя брезента, не греют. Возьмешь в руки тяжелый железный лом, и нет возможности работать им — леденеют руки.

В конце концов, на расчищенной от снега площадке разводится костер, который через некоторое время перемещается, а на прежнем месте ломами и кирками долбят землю, отваливая ее здесь же, рядом. Затем вновь зажигают костер. Так несколько раз, пока не будет достигнута заданная полуметровая глубина могильной ямы.

И все время маешься — мерзнешь! У костра чуть отогреются пятнистые иссиня-фиолетовые и покрасневшие руки. А оденешь их в рукавицы (тоже как будто нагревшиеся), да возьмешь в руки тяжеленный лом, чтобы землю долбить, — сил нет, и получается только: тук-тук! Там, где земля немного оттаяла, откалываются маленькие кусочки. Когда же достанешь ломом до мерзлоты, он звенит при ударе. И только сушит руку. Ничего не откалывается! Мерзнут руки и сам коченеешь. И опять приходится подходить к костру.

Хорошо, если конвой не запрещает греться у костра при подготовке могилы. А ведь в других случаях, увы, не единичных, конвой подбежит к костру, наорет с матерщиной и наскочит с пинками, чтобы занимались работой, а то и костер разбросают, вдобавок ногами снег насыпят на головешки, чтобы все потухло.

Однажды, расчищая от снега площадку, один из наших могильщиков на лопате вместе со снегом подхватил маленького мышонка: оказавшись на 30-ти градусном морозе, он утратил юркость и еле шевелился. Заключенный сразу же захватил в кулак мышь вместе со снегом и в костер: лишь только шерстка опалилась — торопливо отправил в рот.

Двое других, бывших тут же у костра и поначалу не обративших внимания на «находку» своего товарища, прямо-таки встрепенулись, когда ощутили запах жареного мяса.

«Где поймал? Где нашел?» И бросились к тому месту, где лежала лопата, уверяя, что мыши живут семьями, что непременно должна отыскаться другая мышь. Однако другой им найти не удалось.

На закате солнца привозят на санях трупы. Возчиков двое; они обыкновенно из разряда малосрочных заключенных, которым охрана лагеря предоставляет привилегию ходить в пределах лагпункта без конвоя.

Как правило, расконвоированные заключенные заняты на работах, связанных с постоянным пребыванием вне лагерной зоны. Это — инструментальщики, механики, машинисты, кочегары, работники электростанции и электрики, работники конного парка (его здесь называют «конбазой»), продуктовых и фуражных складов: в зону возят дрова и продукты, из зоны — покойников. Работники конбазы за счет фуражного довольствия и сами пользуются овсом — предварительно поджаривая его, чтобы очистить от шелухи. В летнее время они же вскапывают участки под картофель. Словом, всегда к своему голодному казенному пайку добавляют еще что-нибудь; и потому среди них, как и вообще среди бесконвойных, не бывает истощенных доходяг.

Сегодня двое возчиков, спрыгнув с саней, на которых навалены прикрытые куском брезента мертвецы, подошли к нашим конвоирам. Через несколько минут вместе с начальником конвоя подходят к нам. Начинается спор о глубине выдолбленной ямы. Один из возчиков: «Гражданин начальник! Какие же здесь 50 сантиметров, когда тут и тридцати-то нет. У нас сегодня двенадцать трупов, а здесь и троих не положишь».

Наш бригадир протестует: «Вот загнул. Тут двадцать человек закопать можно: плацкарта им не нужна. Да и не убегут они».

Начальник конвоя: «От вас требуется полуметровая глубина. Вот и долбите землю, пока не будет полметра!»

Бригадир опять: «Гражданин начальник! Посмотрите, сколько земли выдолбили, а глубины не получается, как раз бугор пришелся. Что делать? Закопаем как-нибудь».

Вновь вмешивается возчик: «А вот тут и двадцати сантиметров не будет...»

Торг продолжается. Немного еще выковыриваем землю. С приближением времени окончания работы все заинтересованы поскорее закопать трупы да возвратиться в зону: поесть, согреться, отдохнуть, уснуть... Возчики подносят трупы и плотно укладывают — «валетом».

Так, человек, и завершается твой путь на земле! На тебе определение Божие: *«возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо прах ты и в прах возвратишься"* (Быт 3:19). И еще: *«Потому что участь сынов человеческих и участь животных — участь одна; как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества пред скотом»* (Екк 3:19). Доподлинно сказано: *«Как вышел он нагим из утробы матери своей, таким и отходит; и ничего не возьмет от труда своего, что мог бы он понесть в руке своей... каким пришел он, таким и отходит»* (Екк 5:14-15). *«Человеком положено однажды умереть, а потом суд»* (Евр 9:27) Божий дает окончательную оценку: как именно прожил жизнь свою каждый из нас.

Согласно русской православной церковной традиции при отпевании в руку раба Божия священник вкладывает разрешительную молитву, в которой испрашивается у Бога прощение содеянных вольных и невольных грехов. Лагерная же администрация считала обязательным привязывать шпагатом, обычно к ноге заключенного, бирку с записью формулярных установочных данных: номера лагерного формуляра («дела»), фамилии, инициалов, года рождения, статьи и срока.

Уложенных в яму зеков присыпают землей. Именно присыпают, так как выбитой земли просто не хватает. Еще притаптывают ногами для ровности... По весне во избежание зловония и заразы администрация лагеря посылает бригады доходяг, чтобы дополнительно засыпать землей захороненных в зимнее время.

Двенадцатичасовой рабочий день окончен. Собираем инструменты и плетемся в лагерь. И так изо дня в день. Лицо покрывается загаром; Почти у всех заключенных оно в пятнах: отморожены носы, щеки, лица распухают, волдырятся, оставляя коричневую пигментацию; потом это все опять отмораживается... Как-то поставили возле лагерных ворот бочку тавота, открытую для всех: подходи и смазывайся, не обмораживайся! Мы и ходим вымазанные тавотом: не только лица и руки, но и рукавицы наши, и шапки, и бушлаты.

25 февраля 1942 года, примерно за час до «съема», к нам прискакал на коне сам начальник охраны лагеря. Что-то сказал нашим конвоирам и, не слезая с лошади, снова ускакал по направлению к лагерю. В это время привезли покойников. На этот раз возчики не спорили о глубине выкопанной под могилу ямы. Хоронили молча и все почему-то торопили. Конвойные понукали: «Скорей, скорей!» Закопали. Тащимся в лагерь. У самых лагерных ворот сдаем в инструменталку кирки, ломы и лопаты.

Конвой командует: «Колонна, спиной к лагерю стройсь!» Затем произносится постоянная формула перед началом всякого этапирования: «Предупреждаю! Шаг вправо, шаг влево — считается побегом. Конвой применяет оружие без предупреждения!» После очередной команды колонна трогается

с места. Позади остается, освещаемая прожекторами территория лагеря, а мы направляемся в темноту.

Кто-то вслух спрашивает: «Куда идем-то?» «Ведите нас в лагерь!» После этого неожиданно раздается команда: «Колонна, стой». Мы останавливаемся и слышим грозный окрик главного конвоира: «Прекратить разговоры! Куда надо — туда и ведем. Пошли! А то я вас всех одной очередью (автомата) тут уложу...»

«Гражданин начальник, — говорю я, — мы замерзли, нам есть хочется». «Мало, что хочется, — недовольно отвечает он, — мне тоже хочется, а я тут с вами... Пошли вперед!»

На открытых местах нас продувает жгучий порывистый ветер. Мороз крепчает. Небо усеяно мерцающими звездами... Идем уже около часа по запорошенной, но, чувствуется, твердой лесной дороге. Самое удивительное то, что, несмотря на усталость, мы все-таки бредем: ноги как-то механически переступают (вот что делает штык сзади!). Конвой время от времени понукает: «Что вы тащитесь как дохлые?! Нам что с вами замерзать здесь?»

Бригадир потихоньку говорит: «На погрузку идем. Да и инструмента нам никакого не дали: на лесобиржу ведут».

Двое по дороге спотыкались, падали. Колонна приходила в замешательство: подымали. Они со стоном и вздохами ворчали: «Все равно умирать!» И вслух обращались к конвою с просьбой пристрелить, чтобы только больше не двигаться — нет сил! Конвой на этот раз оказался гуманным и, видя серьезность состояния падавших на дороге, обязал других заключенных взять под руки этих двоих и идти дальше.

Думается, около двух часов топали, пока показались костры вблизи железнодорожных путей на лесопогрузочных площадках биржи, что в семи километрах от лагеря. Там уже шла погрузка в вагоны шпальника. Работали заключенные вспомогательных бригад, которые весь день трудились где-то неподалеку от биржи.

Погрузка древесины в тот день складывалась так. Утром 25 февраля по обыкновению на лесосклад вышли две специально погрузочные бригады в составе 60 человек. Все остальные заключенные также вышли на работу по своим местам. Рабочий день подходил к концу, когда на расписных санках подъехал к оцеплению начальник лагеря и, отдав приказание руководителю работ, укатил. После этого одни бригады снимали с работы и отводили в зону (лесоповальные, трелевочные, вывозка, шпалорезка), а другие (вспомогательные) перебрасывали на предстоящие ночные погрузочные работы.

Подвели сюда теперь и нас. Конвой ввел нас в оцепление работ и отправился на отдых в казармы близ лагеря.

Подходит завпогрузкой: «Бригадир! Сколько вас?».

— Двенадцать, я — тринадцатый.

— Состав подан под шпальник. Три вагона — по четыре человека на вагон: один наваливает, двое подносят, четвертый укладывает.

Бригадир защищается: «Люди у меня слабые — все доходяги. Их в лазарете держать надо, а их на ночную погрузку прислали. Они ходить не могут».

— А чего ты мне жалуешься: я что — царь, Бог? Разве я вас звал сюда? Прислали, вот и работайте: вот ваши вагоны, а вот оттуда будете брать шпалы.

Со склада кто-то принес нам пилу и топор, чтобы развести костер около вагонов для освещения. Мы еще сетовали на усталость, на мороз (минус 31 градус), на голод, на судьбу, как из зоны доставили на санях баланду и хлеб.

Работы приостановились. Все сгрудились около костра, возле которого стояли санки с едой.

Хлеб и баланду раздают по бригадам: сначала дорожникам, потом шкурильщикам..., а могильщики — последние. Да и как могло быть иначе! Нам — по 150 грамм хлеба (утром мы уже получили по 250) и миску чуть теплой баланды с отрубями, а иногда в миске кое-кому попадался кусок зеленой соленой помидоры или огурца.

Каждый «порядочный» заключенный всегда имеет при себе ложку (за голенищем), чаще всего самодельную — долбленую из дерева или выплавленную из алюминиевой чашки. По этому признаку в нашей бригаде половина была «непорядочных», в том числе и у меня не оказалось ложки. Поэтому ели, а точнее пили из мисок через край. Когда баланду выпивали, на краю миски оставалась гуща — осевшие отруби, с чайную или столовую ложку, а иногда и кусок соленой помидорины. Указательным пальцем правой руки оставшееся подталкивалось в рот.

Мисок привезли пятнадцать, а едоков около 80 человек набралось. Выстроилась живая очередь за освобождающейся миской.

Вот бы чистоплюям от медицины взглянуть на такую кормежку! За нарушение ветеринарных правил — за выгон животного, заболевшего заразной болезнью, в общее стадо — человека потянут к от-

ветственности. А вот за то, что массы людей на протяжении десятилетий вполне официально содержат и кормят из одной немытой миски в общем «стаде» с туберкулезными, венерическими, кишечными заболеваниями — никому ничего не бывает.

Не бывает потому, что это проделывает охрана, которая меня стережет, а раз стережет, значит, какой же я человек?! Я — просто заключенный в общем стаде и потому, конечно, перестаю быть личностью, опекаемой гражданскими законами и всевозможными международными решениями. О, наверное, в этом случае лучше было бы оставаться на положении скотины: ведь ее защищают законы! В то время как человек оказывается под беззаконием произвола блатных бригадиров, охранников и чекистов.

Впрочем, и среди них — как редчайшее исключение — встречаются лица гуманные; обычно только окончившие ту или иную школу и работающие в лагере всего лишь несколько месяцев: эти люди еще не утратили присущую человеку совесть. Памятный для меня пример гуманного отношения — тот оперативник, который вызволил меня из карцера на 123-м лагпункте. Таких единицы. Остальные звереют от пьянящего, во всем и всегда противозаконного и непогрешимого служебного положения! Это суждение о чекистах, основано на моей личной практике пребывания под их властью в течение пятнадцати с лишним лет.

Получив много позже полную реабилитацию, я, полагаю, имею основание свидетельствовать о преступном попрании элементарных прав человека представителями органов госбезопасности. После всего пережитого было бы преступным молчать о том, как бандитски они посягают на свободу человека, как они глумятся над законами, конституцией, международными соглашениями, естественными гуманными положениями и Божескими установлениями. Где, например, пресловутая неприкосновенность личности, когда, с одной стороны, без постановления прокурора нельзя человека ни обыскать, ни посадить в тюрьму, а, с другой стороны, арестовывающий и производящий обыск лейтенант госбезопасности достает из висящей на его плече полевой сумки пачку заранее подписанных прокурором ордеров на обыск и арест, без указания на них фамилий?! Лейтенант тут же вписывает в ордер мою фамилию и, допустив ошибку, комкает ордер и берет для заполнения новый.

У древних римлян, гордившихся своими законами, существовало изречение: «dura lex, sed lex» — «закон суров, но закон». Плохо, когда писаный закон и гуманен, и демократичен, а фактически нет ни гуманности, ни демократичности, ибо жизнь течет под бандитским произволом распоясавшихся в своей безнаказанности чекистов.

«Всякий, преступивший учение Христово и не пребывающий в нем, не имеет Бога... Кто приходит к вам и не приносит сего учения, того не принимайте в дом и не приветствуйте его; ибо приветствующий его участвует в злых делах его» (2 Ин. 9,10-11).

Будем придерживаться фактов: вернемся к прерванному. Не станем подробно описывать мрачную картину того, как морозной ночью заключенные занимались погрузкой шпал в красные вагоны. Блатняки-бригадиры не переставали кричать: «Давай! Давай!» И сопровождали свои понукания матерщиной и побоями тех, у кого шпала сваливалась с плеч, кто медленно шагал к вагону, кто сам падал под тяжестью несомой шпалы... Если шпалы пятого и четвертого типа еще терпимо нести от складской биржи к вагону, внутрь которого предстояло их забросить, то нулевой или первый тип — такая тяжесть, что если и устоишь на ногах, когда шпалу на плечо тебе навалят, то очень трудно бывает с такой шпалой идти по снегу выше колена, а подбрасывать ее в вагон под силу лишь физически довольно крепким людям, каковых среди нас было немного... Потому нас и ругали более сильные из своих же заключенных, считая, что они не обязаны работать за нас — доходяг. Бригадиры нас ругали и били кулаками и «дрынами» (палками), а конвоиры удостаивали нас пинками.

Когда, наконец, погрузка была закончена, все столпились у костров обогреться и отдохнуть. Груженый состав угнали, а минут через двадцать пригнали порожняк — под погрузку дров для Москвы. И опять замаячили жалкие фигурки зеков с двухметровками на плечах — от биржи к вагонам. Многие уже не смогли участвовать в этой погрузке. Все попытки бригадиров и конвойных поднять на ноги доходяг — ни побоями, ни пинками — ни к чему не приводили... По окончании второй ночной погрузки тринадцать человек заключенных пришлось положить на двое саней и вместе с инструментом везти до лагеря. Ночью же нас перенесли в санчасть в палату № 2 — «мертвецкую», в которой к утру в живых осталось только девять... Мне места в мертвецкой на нарах не нашлось, а потому — как внесли в двери, так и положили тут же, возле нее...

(Продолжение следует)

В грозу 1812 года...

Нынешней осенью исполнится 200 лет великой победе русского оружия - изгнанию Наполеона из пределов Российских. И хотя та Отечественная война обошла Задонск далекой стороной, но след в его истории оставила, в том числе, и в духовной ее составляющей - через историю Задонского Богородицкого монастыря...

Д. Шмаринов «Французы в Москве»

Немалые неприятности причинил задонским застройщикам и домовладельцам страшный ураган, повлекший беду в 1811 году и на несколько поколений оставшийся в памяти местных жителей. «В это время сорвало железную кровлю с церковной трапезы; во многих зданиях монастыря выбило рамы со стеклами. А в городе много поломало садовых деревьев, пораскрыло кровли с обывательских домов, разнесло заборы и проч.», — цитирует воспоминания очевидцев летописец Богородицкой обители, иеромонах Геронтий.

Время было предвоенное, исполненное тревожных ожиданий, несмотря на временное затишье в российско-французских отношениях после шаткого Тильзитского мира, заключенного летом 1807 года. И не удивительно, что буйство стихии задонцы восприняли как провозвестье очередной военной беды. А в июне 1812-го, когда беда все же пришла, именно из Богородицкого монастыря прозвучало слово утешения убоявшимся.

Несмотря на то, что вступившая в Россию армия Наполеона шествовала победоносно, Никандр Алексеевич Бехтеев, ученик святителя Тихона Задонского, подвизавшийся в то время в Задонском монастыре, успокаивал богомольцев, передавая со слов святителя, что "Голиаф погибнет, а Россия восторжествует". И вскоре последовало подтверждение прозорливости покоившегося в Задонске праведника — 21 декабря 1812 года (2 января 1813 года по новому стилю) Кутузов в приказе по армии поздравил войска с изгнанием врага из пределов России и призвал их "довершить поражение неприятеля на собственных полях его".

Но не только утешительным словом, а и делом, помогали насельники Богородицкого монастыря Отечеству в трудную годину. В 1812 году архимандрит Евграф с братией пожертвовали «на защиту от нашествия двунадесяти языков» 5 тысяч рублей наличными, препроводив их через духовную консисторию в Воронежскую казенную палату. Кроме того, на эти же цели братия выделила около шести фунтов серебряных с позолотой вещей, несколько драгоценных камней, жемчуг и иные ценные вещи.

Французов изгнали, и в Задонск вернулся архимандрит Тимофей (Самбикин), бывший настоятелем Богородицкой обители в 1791-1805 годах. Во время нашествия французов, он пребывал на той же должности в Виленском Свято-Духовом монастыре. Высочайшим указом от 19 декабря 1812 года архимандрит Тимофей был уволен на покой в Задонск "с полным пенсионом в 370 рублей в год". Как сообщает биограф отца Тимофея: "Во время пребывания его в Вильне [совр. Вильнюс] Свято-Духов монастырь был в значительной мере разграблен и разорен проходившими французскими войсками". Это потрясение не могло не сказаться на физическом и духовном состоянии настоятеля, который еще с 1810 года просился на покой, ссылаясь на расшатанное здоровье. В октябре 1817 года архимандрит Тимофей скончался.

Довелось воочию лицезреть беды военного времени и архимандриту Иларию (Иродионову), который настоятельствовал в Задонской обители с 1834 года. Начинал отец Иларий свой иноческий путь в восстанавливаемой ныне Раненбургской Петропавловской

пустыни. Во время Отечественной войны 1812 года, именно отцу Иларию, тогда еще иеромонаху Симонова монастыря в Москве, доверено было спасение сокровищ Синодальной ризницы от подступивших к столице французов. Справившись с возложенной на него задачей, отец Иларий успешно эвакуировал ризницу Симонова монастыря в Вологду.

Вывоз драгоценной утвари из ризниц соборов и монастырей начался накануне решения военного совета в Филях об оставлении Москвы. 30 августа московский губернатор прислал на архиерейское подворье 300 подвод, которые были разосланы в соборы и монастыри епископом Августином, осуществлявшим фактическое управление Московской епархией из-за старости и болезни митрополита Платона. 31-го вечером в Кремле собрались подводы с сокровищами из ризниц, а также большинства московских монастырей, включая и Симонов. Получив благословение преосвященного Августина, на рассвете 1 сентября подводы отправились в Вологду. С этим обозом покинул Москву и отец Иларий.

Оставшиеся же в Москве иноки Симонова монастыря претерпели немалые скорби. Наместника обители, иеромонаха Иосифа, оккупанты подвергли «гражданской казни»: приказали ему наклонить голову «для отсечения», однако затем отпустили. Старинные храмы обители использовались французами как конюшни, а во время пожара сильно пострадали от огня.

Следует отметить, что среди насельников Богородицкой обители были не только те, кто стал свидетелем скорбей, причиненных Отечеству и Церкви вражеским нашествием, но и те, кто сходился с неприятелем лицом к лицу на поле боя. Так, Затворник Задонский Георгий Алексеевич Машурин, во время войн с Наполеоном предположительно служил в 9-м Казанском драгунском полку.

Георгий Машурин происходил из вологодского дворянского рода и в 1807 году, будучи 18 лет от роду, поступил на военную службу юнкером в Лубенский гусарский полк, сформированный 14 марта того же года. С производством в первый офицерский чин — корнета — был переведен в 9-й Казанский драгунский полк. Точная дата перевода неизвестна, но, вероятнее всего, это произошло перед 1812 годом. Так как по хорошо датированным военным биографиям сверстников Георгия, можно судить, что средний срок перевода в корнеты из юнкеров, служивших без нареканий, составлял до 4-х лет.

В 1812 году Казанский полк действовал в составе 1-го резервного кавалерийского корпуса под командованием генерал-адъютанта Ф. П. Уварова, участвовал в партизанских действиях. После переноса боевых действий за границу "казанцы" были включены

Затворникъ Георгій

в состав корпуса, блокировавшего Данциг и не раз отличались во время осады, в частности "смелой атакой на мызу Шальмюль".

Еще более насыщена сражениями военная биография лубенских гусар. Во время Отечественной войны 1812 года лубенцы входили в состав 3-й резервной армии и находились в отряде генерала Мелиссино, действовавшем с 1 июля по 21 сентября против французского VII корпуса генерала Ренье. Именно они отбили у противника одно орудие — первый трофей войны 1812 года. Затем были октябрьские бои у Горностаевичей и Волковыска и зарубежный поход, где лубенские гусары доблестно участвовали в боях у Вальгейма, Версдорфа, Носсена и Бишофсверде. 14 августа 1813 года, под Дрезденом, Лубенский полк геройски атаковал гвардейскую пехоту и, потеряв убитым своего шефа Мелиссино, смял неприятельское каре. За блестящее участие в войне 1813 года полку были пожалованы знаки на кивера с надписью «За отличие».

Впечатления военных лет нашли отражение в духовной поэзии Затворника Задонского. «Меня и на реках смерть алчная искала, и в море ад мне разверзала: но Бог помог — и я не утонул!!! В степи с людьми я замерзал. И очень близок к смерти был; мороз и вихрь меня терзал; в живых остаться я не мнил... Как много было стрел на жизнь мою!» Но: «Господь помог! И я возмог. Теперь, благодаря, пою: «Свят! Свят! Свят!» — восклицает в заключение стиха Георгий...

Л. МОРЕВ

Христианская поэзия

Помни кто ты...

Монахом быть не каждый сможет,
С любовью Господу служить.
Крест взял – иди, Господь поможет,
Все беды, горе пережить.

Но, главное, запомни кто ты,
Примером будь во всем, везде.
И не ищи высокой ноты,
Она приводит лишь к беде.

Пред Господом за все в ответе,
Чтоб не краснеть и не рыдать.
Твори добро на белом свете,
Чтоб чистым Богу предстоять.

Средь братьев не ищи причины,
Как осудить и осмеять.
Старайся избежать кручины,
Чтоб в лапы зверя не попасть.

И проявляй во всем смиренье,
На злобу отвечай добром.
Ведь ты же Господа творенье,
А не разбойник с топором...

послушник Николай

Спасителю Христу...

Непостижимый, вечный Боже,
Кто мне еще теперь поможет.
К Тебе взываю вновь и вновь,
Ты Милость, Свет, Сама Любовь!

Ты сердца песнь, очей отрада,
В страданьях, плаче, Ты награда.
Всепоглащающая Сила,
Страстей и немощей могила.

Ты Радость, Жизнь, Само Терпенье,
Ты Безконечное Смиренье.
С Пречистой Мамой Тебе плачу,
Я не могу пока иначе.

Ты от одра меня воздвигни,
И сбереги для вечной жизни.
Я прославляю Твои муки,
Твои проколотые руки...

Взываю: «Господи, спаси.
Очисти, убели, прости!»

Богородице...

Ты, Матерь Божья, нам Отрадо,
Ты удивленье Небесам.
Скорбящим душенькам Прохладо,
И Радость нашим очесам.

Тебе моление приносим,
Тебя хвалами ублажим.
Тобой прощение испросим,
Тобой, Святая, дорожим.

К Тебе прибегнем мы в печали,
Ты миру Свет, преграда зла.
Тебе поем, Тебя все славим,
Тебе, Царице, Похвала!

трудник Задонского монастыря N.

Звездное небо

Шкатулка для колец пуста,
И серебро недорогого перстня
Сиротски прислонилось к олову креста...
Раздарены все серьги и браслеты.
Смотрю как на букашек летом,
С сердечным равнодушием в глазах,
На искры преломившегося света,
Когда зеленый изумруд или алмаз
Сверкает на запястьях и в ушах...
К камням сияющим не развит вкус,
И нитками великолепных бус
Давно украшены в церквах иконы -
Дополнив благодарные поклоны...
Но бриллиантами усыпанное небо
С жемчужной дымкой Млечного Пути,
Как в дни голодные - сухая корка хлеба,
Которую случайно удалось найти...
И радость близости природы,
Как в знойные засушливые годы -
Воды живой источник обрести...
Люблю смотреть в Божественное Небо,
Благословляя Дар и Красоты, и Хлеба;
Благодаря Того, Кто Жизнь дает,
Не подведет и не оставит,
И Своим другом назовет.

Маргарита Сурикова, г. Задонск

Хваля всегда Творца...

Я шел во тьме, держа в руке,
Огонь свечи и только.
Но таял мрак покорно так -
В молитве солнца столько.

Молитвы пел и все терпел,
Хваля всегда Творца.
Он знает все, Он видит все,
Сначала до конца.

Ни во́лос не падет, ни солнце не взойдет,
Без ведома Его.
И все вокруг, поверь мой друг,
Зависит от Него.

послушник Алексей

Задонскому монастырю...

Сырым, туманным летним утором,
К храму прохожий подошел.
Спросил он у монаха глухо,
«Сюда ли, отче, я пришел?

Душе своей успокоенье,
Хочу я в храме обрести.
Терзают душеньку сомненья,
Устал от долго пути.

Полжизни воровал и грабил,
Полжизни нес я людям зло.
Чужое часто рушил счастье,
И стыдно мне глядеть в лицо».

«Встань на колени ты смиренно,
Благословенье испроси.
Да, жизнь твоя была никчемна,
И тяжелы твои грехи.

Ты видишь? Дождик моросит,
Ты слышишь? Колокол звучит.
Иль солнце сияет, иль снег идет —
Всяк Господу хвалу поет.

Мы все живем не без греха,
Земная ноша нелегка.
Встань на колени ты смиренно,
И испроси благословенья.

В раскаяньи будь откровенен,
Ведь человек несовершенен.
Твори добро. И трижды ты,
Вознаградишься за свои труды.

С тех пор прошло немало лет,
И затерялся его след.
Но слава о его делах,
И по сегодня на устах!

Александр, г. Липецк

СВЯТОЙ СОЮЗ

рассказ

Однажды жестокосердному, грозному правителю города донесли весть об одном христианине, что этот человек замышляет убить его. Правитель быстро послал за ним своих слуг. Когда слуги привели к нему этого человека, то правитель сказал:

Мне донесли, что ты поносишь меня и замышлял обо мне худое.

— Нет! — сказал Мирос, так звали христианина. — Я не поносил тебя, я называл тебя только жестокосердным, каков ты и есть! Я не замышлял против тебя худое, я только обличал зло, какое ты делал.

— Негодяй! — сказал правитель. — Все равно ты за это должен умереть на кресте.

— Я готов на смерть! — отвечал Мирос. — Я не стану тебя молить о пощаде! Но дай мне, ради Бога, три дня свободы, чтобы проститься с моей родней. Я оставлю друга своего порукой в том, что вернусь на смертную казнь!

Правитель согласился:

— Хорошо. Я отпускаю тебя, но ежели ты через три дня не вернешься, то я предам друга твоего на мучение.

Если уж придется казнить твоего заложника, так его казнь может искупить твою вину!

Правитель не поверил Миросу: «Пусть же народ узнает, — подумал он, — как христиане обманывают своего Бога».

Мирос пришел к своему другу и рассказал ему, что правитель приговорил его к смертной казни на кресте, но дал ему три дня свободы, чтобы проститься с семьей, с условием, чтобы он оставил за себя кого-нибудь, и спросил, согласен ли друг побыть за него три дня в темнице. Верный друг с радостью согласился исполнить просьбу своего любимого друга, обнял его на прощание и дал отвести себя в темницу. Он сказал:

— Я верная за него порука, и если друг мой не вернется, то я приму его казнь на себя.

Его закрыли в подвал. Тем временем Мирос прибыл в свое селение, рассказал о предстоящей казни, простился с семьей и родными и сказал:

— Простите, время истекает, и если я не вернусь вовремя на казнь, то пострадает за меня мой друг.

Родные всеми силами старались задержать его подольше при себе, чтобы он опоздал на казнь и остался жив. Но Мирос вырвался от них и пустился в дорогу.

Страшно спешил он, но вдруг поднялась буря, завыл ветер, заблестела молния и разразилась гроза; зашумел ливень с гор, в долины помчались потоки воды и залили всю окрестность на пути. Перед путником зашумела река, вздулись сильные волны, ударяясь одна об другую, и сорвали мост.

Страдалец метался взад и вперед, нигде не видя ни единого человека. Бедный Мирос был весь в слезах, подавленный горем. Он упал на колени, и, весь переполненный думой о своем любимом друге, взмолился:

— Боже! Что мне делать? Время истекает!

Он простер свои руки к Небесам и вскричал:

— Боже! Усмири эти волны. Время бежит,

солнце давно уже зашло за полдень; если оно зайдет, а меня не будет — мой друг пострадает за меня!

Но пучина ревела все сильнее, волны набегали на волны и минута летела одна за другой. Отчаяние поглотило страдальца, он смело бросился в кипящий поток и стал разбивать волны своей рукой. Наконец он достиг берега, но едва сделал несколько шагов, как навстречу ему выскочила буйная ватага разбойников, и, загородив ему дорогу, они подняли на него дубины.

— Что вам от меня нужно? — сказал страдалец. — У меня ничего нет, есть только жизнь, но она мне нужна для спасения своего друга! — и горячие слезы заструились по его лицу.

Он глядел на разбойников таким молящим взором, полным душевной муки, что они смутились и, расступившись, дали ему дорогу. Осужденный на смерть спешил, солнце жгло его страшным зноем, воздух становился все более душным, нигде не было ни тени, и путник обессилел. Он упал на колени и взмолился:

— О Боже! Не Ты ли вынес меня из водной пучины, не Ты ли спас меня от разбойников?! Так помоги мне спасти моего друга! — и он припал к земле со стоном.

И вдруг он услышал журчание ручейка. Страдалец подполз к нему, жадно прильнул и, освежив свое истомленное тело, собрал силы. Затем он с трудом стал пробираться по знойной долине и увидел, что длинные тени от деревьев легли на луга. Бедный Мирос стонал и плакал, из раненых ног его струилась кровь, но, несмотря на страшные, мучительные боли, мысли его о любимом друге бежали одна за другой.

И вот, наконец, показался город. Солнце уже заходило за городские ворота. Страдалец собрал последние силы. Со стоном и воплем молился он Богу:

— Боже! Дай мне силы! Боже, задержи палачей, чтобы мне застать живого друга!

В слезах он не видел, как перед ним глумился народ. Когда бедняга увидел, как на канате поднимают его друга на крест, он быстро растолкал народ и закричал:

— Палачи! Прекратите казнь, я тот, за кого он поручился!

Его держали и говорили:

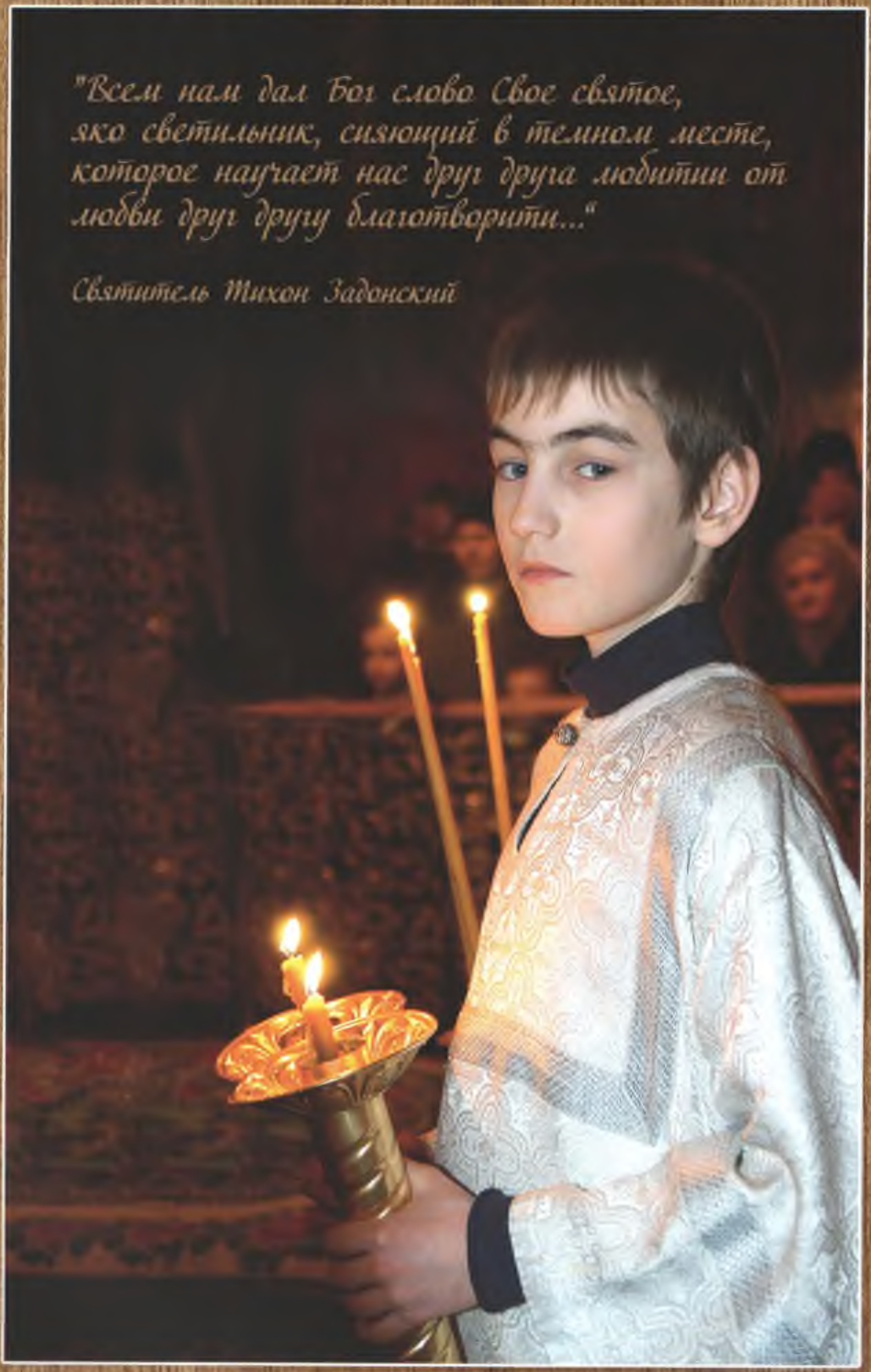
— Спасай себя, ему уже предстоит смерть.

Но страдалец закричал громче:

— Если я его не спасу, то пусть погибнут две жертвы. Я разделю с ним такую же участь, и пусть узнают, как друзья умеют любить и верить друг другу!

Палачи услышали голос страдальца, казнь была прекращена. Весь народ со слезами глядел, как друзья бросились навстречу друг другу и, крепко обнявшись, зарыдали в дружеских объятьях. У правителя дрогнуло сердце, и он приказал палачам отменить казнь этих людей:

— Они победили мое сердце! — сказал он. — Я вижу в них святую дружбу. Хотелось бы и мне познать сладость такой дружбы и вступить в их Святой Союз!


"Всем нам дал Бог слово Свое святое,
яко светильник, сияющий в темном месте,
которое научает нас друг друга любити и от
любви друг другу благотворити..."
Святитель Тихон Задонский

"Видишь корабль на море волнующийся и бедствующий. От сего разумей, что тако житие наше на море мира сего бедствует, и многоразличными напастьми, как волнами, обуревается. А сим научаешися часто и усердно молитися и воздыхать к премудрому Управителю Христу, чтоб не дал твоему кораблецу в волнах бедствий потопиться, но наставил бы в тихое и безопасное вечнаго живота пристанище достигнуть"

Святитель Тихон Задонский